

Григорий Смирин

Рига, Латвия

ЕВРЕИ РИГИ В ПЕРИОД НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ (1941—1944 гг.)

Исторические исследования по Второй мировой войне в целом и по Холокосту в частности, особенно активно развернувшиеся в Латвии в последнее десятилетие, дают зримые результаты: совокупность наших знаний об этом трагическом периоде истории неуклонно расширяется. В особенности это касается малых городов и сельской местности. Однако на этом фоне несколько «в тени» остается столица — Рига, где катастрофа еврейского населения имела несравненно более широкие масштабы.

Накапливавшийся все послевоенные годы массив эмпирических знаний впервые получил серьезное научное освещение еще в 60-е гг. в написанной латвийским историком Э. Блумфельдом главе «Гитлеровский оккупационный режим в Латвии» в обобщающем труде по истории Второй мировой войны в Латвии¹. Это серьезное исследование показывает, что и в условиях жестких идеологических рамок советского времени добросовестный автор вопреки господствовавшим настроениям дал довольно подробную картину трагедии, постигшей евреев в оккупированной нацистами Латвии, верно указал инициаторов и исполнителей чудовищных преступлений. Прорыв же в изучении проблемы связан с именем американского историка лагатышского происхождения А. Эзергайлуса. Его статью о так называемой «команде Арайса»² М. Вестерман оценивает как начало научной историографии Холокоста в Латвии³. В начале 90-х гг. А. Эзергайлус выступил с рядом статей по актуальным проблемам исследования этой темы в латвийской печати⁴, а его монография «Холокост в Латвии, 1941—1944. Отсутствующий центр»⁵, по мнению А. Странги, — первый фундаментальный труд, посвященный данному вопросу, который в силу своего объема и серьезности содержания еще долго будет оказывать влияние на изучение Холокоста в Латвии⁶. Ведущее место в этом труде отводится политике нацистского оккупационного режима в отношении евреев и созданному этим режимом «инструментария» для «окончательного решения еврейского вопроса» в Латвии, на основе скрупулезного изучения документов судебных процессов над нацистскими преступниками в Германии реконструирован ход двух акций массового уничтожения узников Рижского гетто. Однако на передний план в упомянутой монографии выдвигается описание в мелких подробностях репрессивных структур, созданных нацистами из местных коллаборационистов, чья политическая физиономия и нравственный (точнее — безнравственный) облик не требуют комментариев. В то же время сам «объект» «решения вопро-

Автор глубоко признателен за консультации бывшим узникам Рижского гетто и концлагеря Кайзервальд историк Маргеру Вестерману и юристу Александру Бергману.

са», а именно еврейское население, отошел как бы на второй план, заняв в этой объемистой книге довольно скромное место.

Цель данной статьи состоит в попытке дать освещение положения и трагической гибели евреев-рижан в условиях нацистского оккупационного режима (насколько это позволяют рамки статьи, т.е. в самых общих чертах), чтобы эта картина по возможности приобрела некоторую целостность.

Наиболее ценными источниками, наряду с документами оккупационного режима, нам в данном случае представляются личные воспоминания переживших Холокост — как уже хорошо известные⁷, так и вышедшие и введенные в научный оборот совсем недавно⁸.

По последней предвоенной переписи населения Латвии (1935 г.), в Риге насчитывалось 43 672 еврея из 385 063 жителей, или 11,34 %. Миграция евреев из малых городов и местечек Латвии в крупные города, главным образом в столицу — Ригу, происходила в течение всего периода между двумя мировыми войнами, что было вызвано экономическими факторами. Но особенно активизировалась она с национализацией частных предприятий и расширением промышленного производства в Риге в год советской власти (1940—1941)⁹. Среди депортированных сталинским режимом накануне войны жителей Латвии евреи составляли значительное количество. Даже если принять, что их было выслано не 5000 (наиболее распространенная оценочная цифра¹⁰), а 1771 человек (на которых имеются архивные документы)¹¹, то при доле 4,8 % в общей численности населения Латвии евреи составляли 11,7 % всех депортированных (подавляющее большинство из них были рижане). Эвакуироваться в советский тыл успели более 10 тыс. рижских евреев¹². Эта цифра, встречающаяся в литературе, начиная с 40-х гг., при обнаружении достоверных источников в будущем может быть пересмотрена. Пока же, учитывая число жертв Холокоста и выживших среди рижских евреев (см. ниже), численность еврейского населения Риги на момент начала германской оккупации могла быть не менее 37 тыс. человек — местных жителей, а также еврейских беженцев из других европейских стран (весной 1940 г. их насчитывалось 551 человек, но часть их перед войной были репрессированы)¹³.

Передовой отряд эйнзацгруппы А германской полиции безопасности и СД вошел в Задвинье (левобережную часть Риги) 28 июня¹⁴. Этому предшествовало распоряжение начальника Главного управления имперской безопасности (*РСНА*) обергруппенфюрера (генерал-полковника) СС Р. Гейдриха от 17 мая (в виде приказа оформлено 29 июня) о привлечении к истреблению евреев местного населения, «не оставляя никаких следов», а именно: спровоцировать массовые еврейские погромы¹⁵ с целью устрашения и создания обстановки террора, чтобы парализовать волю к сопротивлению.

30 июня в Ригу прибыл командир эйнзацгруппы А В. Шталекер, который привез с собой бывшего начальника агентурного отдела Политуправления (спецслужбы Латвии) Р. Штиглица¹⁶, ранее связанного с германскими спецслужбами, бежавшего в Германию в 1940 г. и увезшего с собой списки агентурной сети, что впоследствии помогло нацистам в вербовке коллаборационистов¹⁷. Р. Штиглиц и еще шесть коллаборационистов перед переправой гитлеровцев в правобережную часть города образовали особую группу. Телефонная связь с правым берегом позволяла этой группе координировать действия с активизировавшимся в городе с началом войны пронацистским подпольем¹⁸, координаторами которого, как установил в своем исследовании А. Эзергайлис, были агенты абвера (немецкой воен-

ной разведки) — бывшие офицеры латвийской армии А. Пленснерс и В. Деглавс¹⁹. Эти подпольные группы, которые начали возникать уже зимой 1940—1941 гг.²⁰, собирали силы и ждали удобного момента для вооруженного выступления в тылу Красной армии. Бездарность сталинского режима проявилась в частности, в том, что репрессии, проведенные им накануне войны, от которых пострадало множество не представлявших опасности на случай войны людей, хотя и затронули в некоторой степени сеть пронацистского подполья²¹, однако большинство потенциальных коллаборационистов остались нетронутыми²². Эти террористические группы обстреливали отступавших красноармейцев и пытавшихся эвакуироваться в глубь советской территории мирных жителей, многие из которых были евреями²³. Эвакуация населения латвийской столицы не была должным образом организована, а пронацистское подполье предпринимало акты саботажа и провокации с целью сорвать эвакуацию²⁴.

Гитлеровцы полностью заняли Ригу 1 июля 1941 г. Их вступление в город сопровождалось массовой антисемитской пропагандой, которую передавало радио²⁵, оказавшееся в руках коллаборационистов, после того как Красная армия оставила город. «Истинные латыши» призывались к уничтожению «внутреннего врага», под которым подразумевались советские активисты и члены их семей, а также все евреи независимо от их политических убеждений²⁶. Германские войска были с цветами и «хлебом-солью» встречены некоторыми прогермански настроенными рижанами, устроившими шествия в национальных костюмах с германскими и латвийскими флагами и народные гулянья. Флагами были также украшены здания²⁷. Большинство рижских евреев в эти дни боялись даже выходить на улицу²⁸.

Во время вступления германских войск в Ригу местные коллаборационисты (Э. Крейшманис, В. Скайстлаукс, В. Вейс, В. Хазнерс и др.), возмнив, что могут играть при гитлеровцах какую-то самостоятельную роль, уже начали создавать латышские войска и полицию²⁹. Германский комендант Риги полковник вермахта Уллерспергер, однако, сходу отверг эти планы и в тот же день, 1 июля, объявил об организации подконтрольной оккупантам латышской вспомогательной полиции (*Lettsche Hilfspolizei*) под руководством В. Скайстлаукса³⁰. Уже 1 июля по радио прозвучал призыв ко всем бывшим полицейским, айзсаргам³¹, военнослужащим латвийской армии и другим «патриотам», желающим принять участие в «очищении нашей страны от вредных элементов» явиться по месту своей бывшей службы³². В последующие дни аналогичные призывы появились в печати³³. В тот же день бывший полицейский В. Арайс собрал отряд численностью в 100—150 человек (впоследствии 400—500) и занял префектуру (управление рижской полиции)³⁴. Здесь в первые дни нацистской оккупации находились В. Шталеккер, а также штаб и боевики сформировавшейся в основном на базе организации айзсаргов «сил самоохраны» (*pašaizsardzibas spēki*). 2 июля В. Шталеккер утвердил В. Арайса в качестве руководителя зондеркоманды (специальной команды) (*Sonderkommando Arajis*), с которой летом и осенью 1941 г. он провел ряд операций по уничтожению евреев по всей Латвии³⁵. Это было крупнейшее из сформированных в Риге и провинции нескольких латышских вспомогательных подразделений СД. Оно включало как профессиональных полицейских и военных, так и студентов (главным образом выходцев из националистических корпораций³⁶) и школьников, причем среди последних были даже пятнадцатилетние³⁷. Позднее были сформированы несколько рот латышской вспомогательной полиции³⁸. 7 июля В. Скайстлаукс сменил назначенный В. Шталеккером В. Вейс³⁹.

В. Шталекер прервал всяческие попытки бывших латвийских политиков создать какие-либо свои государственные структуры, недвусмысленно заявив 3 июля их представителям, что «они находятся не на освобожденной, а на оккупированной земле»⁴⁰, и приказал всем террористическим группам и «самоохране» начиная с 8 июля разоружиться и распустил их⁴¹. Таким образом, эти группы, возомнившие себя «национальными партизанами», в действительности никаких «национальных» задач не решали, а были всего лишь инструментом в руках германских секретных служб, «пятой колонной» нацистов, по замыслу которых, деятельность этих вооруженных формирований должна была быть кратковременной и ограничиться еврейскими погромами, однако какой-либо роли в завоевании и контроле территории для них предусмотрено не было. Префектом (начальником) рижской полиции В. Шталекер назначил Р. Штиглица⁴².

Антиеврейские мероприятия в Риге начались в ночь на 2 июля⁴³. Они осуществлялись «силами самоохраны» при участии действовавшей в Риге эйнзацкоманды-2 (командир — штурмбаннфюрер (майор) СС Х. Барт⁴⁴). В этот день комендант Риги издал распоряжение о том, что «жидам впредь запрещается стоять в очередях. Они могут делать покупки только в тех магазинах, где нет очередей»⁴⁵. Эти мероприятия сопровождалась массивной антисемитской пропагандой, главным рупором которой стала издававшаяся с 1 июля на латышском языке бывший полковником латвийской армии Э. Крейшманисом и журанлистом А. Кродерсом пронацистская ежедневная газета “*Tēviņa*” («Отечество»)⁴⁶. Как и во всех оккупированных городах, было объявлено о конфискации еврейской частной и общественной собственности, запрете для евреев пользоваться общественным транспортом, введении для них трудовой повинности⁴⁷. Ряд товаров евреям было запрещено покупать, и неевреи, которые продавали евреям эти вещи или покупали их для них, подлежали наказанию⁴⁸.

2 июля также развернулись ночные аресты евреев и доставка их в префектуру. Самыми первыми из этих акций руководил лично Р. Штиглиц⁴⁹. Евреев разыскивали и хватали в их квартирах. Эти операции осуществляли группы добровольцев численностью 30—50 человек каждая. Первая волна арестов евреев прошла 2 июля на Мариинской улице⁵⁰. Добровольцы с повязками национальных цветов на рукавах (так называемые «повязочники» (идиш *бенделдикер*)) обходили дома, дворники которых должны были указывать им квартиры евреев. Они обыскивали эти квартиры, избивали их обитателей и забирали ценные вещи⁵¹. Сначала арестовывали только мужчин, затем — женщин⁵². Аресты производила «команда Арайса» и доставляла арестованных в дом на ул. Валдемара, 19. Этот дом, до войны принадлежавший еврею-банкиру А. Шмуляну, с началом войны служил штабом вышедшей из подполья местной фашистской организации «Перконкруст»⁵³, а затем и «команды Арайса»; подвал дома использовался как тюрьма⁵⁴. Это было одно из главных в городе мест истязания евреев. У приводимых сюда евреев отбирали часы, украшения и драгоценности (при этом фамилии владельцев конфискованных вещей вносились в список — якобы для возвращения этих ценностей в будущем)⁵⁵. Впоследствии аресты стала проводить вспомогательная полиция, и местом заключения стала рижская Центральная тюрьма (ул. Маза Матиса, 3). В эту тюрьму уже начиная с первых дней оккупации стали свозить арестованных евреев-мужчин, большинство из которых затем были расстреляны в Бикерниекском лесу⁵⁶. Небольшая их часть были расстреляны прямо на тюремном дворе и зарыты на находящемся у стен тюрьмы кладбище Матиса. По неполным данным, толь-

ко за первые две недели оккупации (1—15 июля 1941 г.) в эту тюрьму были заключены около 2400 евреев; почти все они были расстреляны⁵⁷. Убийства евреев в первые дни оккупации осуществлялись также в Агенскалнских соснах⁵⁸ и других местах. Аресты сочетались с принудительными работами, избиениями и изнасилованиями⁵⁹. Изнасилованных еврейских женщин коллаборационисты спешили расстрелять, опасаясь обвинений со стороны нацистов в осквернении «чистоты арийской расы»⁶⁰. В префектуре и в Центральной тюрьме арестованных евреев подвергали изощренным издевательствам, а молодые женщины становились жертвами садистских сексуальных извращений полицаев; затем арестованных отвозили на расстрел⁶¹. Яркое отражение эти зверства получили в воспоминаниях ряда очевидцев. Приведем здесь только два свидетельства.

Фрида Михельсон: «Сотни евреев в первые дни были приведены в префектуру единственно с целью издевательства и насилия.

Убеленных сединой бородатых стариков под дулами пистолетов заставляли... плясать и распевать советские песни. Девушек, молодых женщин в присутствии мужчин, близких, знакомых заставляли раздеваться догола и совершать на глазах всех омерзительный половой акт, многих изнасиловали шущманы. Некоторые из женщин от ужаса сходили с ума»⁶².

Георг Фридман: «В какой-то момент вошел один полицейский и сунул мне в руки какую-то подушку. Подушка эта была мокрая, красная — вся пропитана кровью... Сунув ее мне, он громко пояснил:

— Эта подушка пропитана кровью наших латышей, пролитой вами — евреями и коммунистами. Высасывай эту кровь и передавай дальше. <...>

Немного поодаль, тоже на полу, лицом вверх лежит женщина, лет около сорока, темно-лосая, ничем неприметная, с виду малопривлекательная. Волосы ее растрепаны, на лице выражение ужаса, платье задрано вверх. Один из извергов дубинкой ковыряется в ее половых органах. Она стонет, но не кричит. <...> ...Вскоре я довольно отчетливо заметил, как кто-то из извергов заходит в камеру с дубинкой в руке и то одного, то другого заставляет ее облизывать, объясняя при этом, где она побывала»⁶³.

7 июля вспомогательная полиция арестовала 70 евреев, 8 июля — 277 и обыскала 577 квартир. Так, 12 июля были арестованы 42 еврея якобы за чрезмерное «ликование» во время налета советской авиации. Во время авианалета 24 июля ночью за то, что в окнах двух домов был виден свет (что могло быть попыткой подать сигнал авиации), был произведен обыск и арестованы 120 евреев и 20 латышей⁶⁴. 12 июля в полицейском отчете отмечалось, что евреи сигнализировали советским самолетам красными тряпками и аплодировали⁶⁵. Особенно массовыми издевательствами и убийствами были 21 июля — в день провозглашения в Латвии советской власти, в чем местные националисты винили евреев⁶⁶.

Хотя спровоцировать стихийные еврейские погромы в городе нацистам не удалось, эффект террора, как считает А. Эзергайлс, был достигнут посредством так называемых «ночных акций»⁶⁷. Группы грабителей в составе двух-трех вооруженных лиц вламывались в квартиры, загоняли жильцов в одну комнату, требовали от них деньги и драгоценности, обыскивали и громили квартиры⁶⁸. Аресты евреев также часто сопровождалась грабежами, однако «ночные акции», помимо устрашения, не имели иных мотивов, кроме грабежа. Впоследствии из участников этих акций сложились банды грабителей, которые в поисках добычи продолжали налеты на еврейские квартиры⁶⁹.

4 июля лицами из «команды Арайса» и вспомогательной полиции при стечении зевак были сожжены несколько рижских еврейских культовых строений вме-

сте с согнанными в них евреями⁷⁰: Старо-Новая синагога на ул. Маскавас, 57, «Райсише-миньяним» (Белорусская синагога) на ул. Элияс, 15, Солдасткая синагога на ул. Краславас (Палисадес), 24 (22), и др. В Большой хоральной синагоге (ул. Гоголя, 25) были заживо сожжены евреи (наиболее часто встречающаяся в литературе цифра — около 400 человек), среди которых было много беженцев из Литвы, в том числе дети⁷¹ (в 1993 г. на ее месте был сооружен мемориал), а в синагоге на ул. Стабу, 63, — около 30 вместе с раввином И. М. Киловым, который вошел в пылающее здание, чтобы разделить участь своих прихожан⁷². Такая же судьба в этот день постигла и ряд других синагог. Молельня и покойницкая на Новом еврейском кладбище (исторический район Шмерлис) были сожжены 7 или 8 июля лицами из вспомогательной полиции⁷³. При сожжении синагог «Райсише-миньяним» и Старо-Новой ряд евреев отказались демонстративно надругаться над свитками *Торы; пытавшихся сопротивляться или выпрыгнуть из охваченных огнем зданий коллаборационисты убивали дубинками⁷⁴.

Первое массовое убийство в Риге произошло примерно 3 июля, когда в Бикерниекском лесу (в городской черте) были убиты около 100 евреев. Этот лес был одним из крупнейших мест уничтожения евреев в городе. Расстрелы в Бикерниекском лесу проводила главным образом «команда Арайса», а на первых порах «уроки ремесла» арайсовцам преподавал один из взводов немецкого 9-го резервного полицейского батальона. 6—7 июля там были расстреляны 2000 человек⁷⁵. В тот месяц там произошло около десяти массовых убийств, т.е. не менее двух в неделю. Только в первые две недели оккупации были убиты 2300 евреев⁷⁶. Расстрелы продолжались и весь август. В июле—августе в Риге расстреливали только мужчин, в отличие от малых городов Латвии, где расстреливали сразу целые семьи. В начальный период убийств среди жертв были также неевреи, проявившие или заподозренные в симпатиях к советской власти. В сентябре количество убийств в Бикерниекском лесу уменьшилось, а в октябре они на время прекратились. В целом в этих акциях были убиты около 4000 евреев и около 1000 человек других национальностей⁷⁷.

В ночи убийств (акции начинались около часу ночи) часть «команды Арайса» (около 70 человек) направлялась непосредственно в Бикерниекский лес, а часть — на грузовых автомашинах или автобусах в Центральную тюрьму, чтобы забрать жертвы. Ямы в Бикерниекском лесу обычно рыли советские военнопленные. Группа арайсовцев разделялась на три части: 25 стрелков, 30—40 охранников и 10—15 возниц. Вокруг всей территории расставлялась охрана, которая не позволяла посторонним приближаться к месту убийства, а евреев удерживала от побега. В зависимости от числа жертв акцию обычно проводила группа в 20 человек. Жертвы подгоняли к яме группами по 10 человек. В каждую жертву стреляли двое: 10 убийц стреляли с колена и целились в спину, а 10 — стоя и целились в голову. От удара пули жертвы падали в яму. На краю каждой ямы стоял охранник с автоматом, высматривавший потенциальных укрывавшихся. Двое из группы стрелков проверяли, живы ли еще жертвы. Те, кто не был убит сразу, получал «выстрел милосердия», для чего стрелок, проявивший «милосердие» подходил к самому краю ямы, а если требовалось, то и спрыгивал в нее⁷⁸. Конвейерная система расстрелов позволяла 40—60 лицам как охранять, так и расстреливать, и за три часа они могли убить до 200 человек. Обычно за одну акцию в Бикерниекском лесу убивали 200—400 человек, а в некоторых случаях — даже 1000. В конце операции или во время нее расстрельной команде иногда выдава-

лись водка и закуска. До октября в Риге и окрестностях были убиты 6378 евреев, в том числе в Риге их могло быть около 6000⁷⁹.

Физическое уничтожение евреев Риги, проводившееся нацистским оккупационным режимом, сочеталось с их экономической эксплуатацией в качестве рабочей рабочей силы. После проведения акций устрашения гитлеровцам стало ясно, что полное истребление евреев в ближайшее время невозможно, поскольку оказалось, что большая часть нужных им ремесел находится в руках евреев, а некоторые ремесленники (стекольщики, жестянщики, водопроводчики, печники, сапожники, заготовщики) представлены практически только евреями. Немедленная их замена «арийской» рабочей силой не представлялась возможной⁸⁰. С июля по сентябрь в организацию еврейских рабочих бригад (рабочих команд) и в надзор за ними были вовлечены все участки вспомогательной полиции в Риге. В ведении каждого участка находились от дюжины до нескольких сотен евреев. Они работали на уборке развалин, занимались ремонтом и уборкой зданий и пр.⁸¹

Продолжением политики экономической эксплуатации стала «гетоизация» — инициированное рейхскомиссаром Остланда Г. Лозе сосредоточение евреев в одном месте⁸², т.е. создание гетто, которое хотя и было подготовительным этапом к полной ликвидации еврейского населения города, все же продлило жизнь нескольких тысяч рижских евреев. Первым шагом к созданию гетто стало объявленное с 25 июля начало регистрации всех рижских евреев. До 27 июля им также предписывалось сдать имевшиеся у них радиоприемники⁸³. До 1 августа в городе в целом зарегистрировались 24 625 евреев⁸⁴. Зарегистрированным в паспорт ставился продолговатый штамп с надписью “*žids*” — «жид» (в довоенных латвийских паспортах не было графы «национальность»)⁸⁵, а также выдавалась особая регистрационная карточка, в которой указывалось, что ее необходимо хранить и предъявлять при проверке и что отныне ее обладатель обязан носить на груди слева желтую шестиконечную звезду диаметром 10 см⁸⁶ (это правило было введено 28 июля⁸⁷). С августа без такой звезды евреи уже не могли появляться на улице⁸⁸.

13 августа немецкая гражданская администрация издала Временные правила по обращению с евреями, в которых были определены жертвы: в первую очередь потомки трех прародителей еврейского происхождения, затем — двух или одного; далее речь шла о людях, принявших иудаизм и присоединившихся к еврейской общине, а также о тех, кто на 20 июня 1941 г. состоял в браке или находился в фактических отношениях с евреем или еврейкой⁸⁹. 1 сентября вышло распоряжение генерального комиссара Латвии О. Дрекслера, подтверждавшее обязательное ношение евреями на одежде желтых шестиконечных звезд (к звезде на груди слева добавлялась звезда и на спине⁹⁰). Распоряжение запрещало евреям менять место жительства без разрешения гебитскомиссара, пользоваться тротуарами и публичными средствами транспорта, пользоваться предусмотренными для отдыха населения насаждениями и заведениями, посещать учреждения культуры и любого рода школы, владеть автомобилями и радиоприемниками, осуществлять убой скота по еврейскому ритуалу, быть адвокатами, нотариусами, заниматься банковскими, ломбардными и меновыми операциями, быть представителями, агентами и посредниками, торговать недвижимым имуществом, заниматься любыми ремеслами, связанными с передвижением. Врачи и дантисты — евреи могли лечить пациентов только еврейской национальности, евреям — аптекарям и ветеринарам практика запрещалась вовсе⁹¹. Согласно приказу рейхскомиссара Г. Лозе от 13 октября, все движимое и недвижимое имущество евреев

подлежало аресту и конфискации (за исключением «домашней утвари, служащей скудным жизненным потребностям», наличных денег, активов в банках и сберегательных кассах, ценных бумаг общей стоимостью до 100 рейхсмарок⁹²).

Состоявшие в смешанных браках с нееврейками мужчины-евреи в любом случае подлежали уничтожению, а не желавшие с ними разводиться нееврейские жены могли разделить их участь. Однако еврейские жены «арийских» мужей могли сохранить себе жизнь при условии, если мужья не откажутся от них и не захотят развестись, и при согласии на стерилизацию (эта операция проводилась во многих клиниках Риги). Это избавляло их от необходимости переселяться в гетто или позволяло покинуть его и легально жить с семьей⁹³. Было также предусмотрено ускоренное расторжение смешанных браков евреев с «арийцами»⁹⁴.

Начальные границы Рижского гетто («большое гетто») проходили по улицам Лачплеша, Екабпилс, Католю, Лаздонас, Лиела Кална, Лауваас, Жиду⁹⁵, Ерсикас и Маскаваас (Латгалес)⁹⁶. Из выделенных для создания гетто 12 кварталов в Московском форштадте⁹⁷ — части нынешнего Латгальского предместья, где вплоть до Второй мировой войны была сосредоточена значительная часть еврейского населения Риги, потребовалось переселить в другие места около 7000 человек нееврейского населения⁹⁸. Сообщения о том, что переселение в гетто завершается 25 октября⁹⁹, были напечатаны в газетах на немецком, русском и латышском языках и расклеены на стенах домов.

Перемещение евреев в гетто происходило по частям города. В гетто им разрешалось взять с собой некоторые личные вещи, один стул на человека, одну кровать на двоих и один стол и один платяной шкаф на семью¹⁰⁰. На основании распоряжения префекта рижской полиции (Р. Штиглиц) «еврейский комитет» (официальное название „*Jidu komiteja*” — «Жидовский комитет») (совет старейшин, или *Judenrat* — нем. «еврейский совет») выдавал переселенцам специальные ордера на вселение на жилплощадь в гетто с предписанием срока вселения¹⁰¹. Жилплощадь в гетто выделялась из расчета 4 м³ на человека¹⁰². Переселение в гетто со-

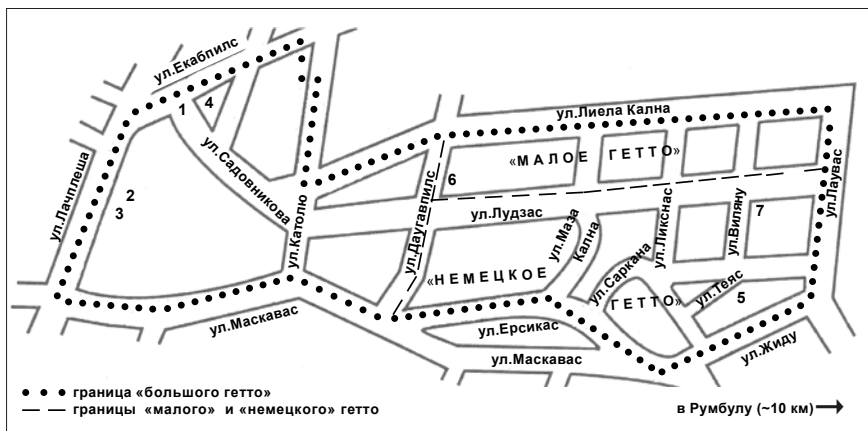

Схема Рижского гетто в период между двумя крупными акциями уничтожения (30 ноября — 8 декабря 1941 г.): 1 — ворота «большого гетто»; 2 — «юденрат» и еврейская полиция; 3 — еврейская «биржа труда»; 4 — охрана гетто («вахы»); 5 — Старое еврейское кладбище; 6 — больница «Линат-Гацдек» (впоследствии лазарет СС); 7 — «женское гетто»

здавало у его обитателей иллюзию некоторой безопасности — в противоположность жизни вне гетто в условиях постоянно ощущаемой угрозы со стороны крайне враждебного окружающего населения¹⁰³. Единственная больница, принимавшая евреев, находилась в пределах гетто: после разгрома отрядом эсэсовцев и местных полицейев еврейской больницы «Бикур-Холим», которая оказалась вне черты гетто, весь ее персонал и больные-«неарийцы» были переведены в помещение находившейся в пределах гетто еврейской гинекологической клиники «Линат-Гацедек»¹⁰⁴. Медицинской помощью узникам гетто руководил выдающийся врач-хирург и ученый-медик проф. В. М. Минц¹⁰⁵, впоследствии погибший в концлагере Бухенвальд в Германии¹⁰⁶. В гетто работали врачи Н. Берникер, Р. Блюменфельд, И. Вольперт, Х. Гительсон, Н. Кан, В. Крецер, М. Магалиф, Г. Пейснер, Л. Рогалин, К. Таль, Х. и И. Явиц, Б. Якобсон; вне гетто в различных подразделениях работали врачи П. Блат, Д. Бловец, М. Вольперт, Б. Гинзбург, В. Гольдберг, Я. Гольдринг, Л. Давидсон, Б. Май, Л. Рудов, М. Соломир, Л. Яворковский. С помощью старшего рабочей колонны ССП (сборный санитарный пункт) бывшего студента-медика Б. Крамера было организовано хищение медикаментов из немецкого санитарного учреждения для нужд гетто, которые узники пронесли на территорию гетто в штанах¹⁰⁷. На ул. Лудзас находилась богадельня — приют для старых и немощных людей¹⁰⁸. Магазины, которые продавали товары евреям по мизерным нормам при предъявлении талонов, тоже находились только на этой территории¹⁰⁹.

По числу узников «большое гетто» в Риге был четвертым на территории СССР (после Вильнюса, Каунаса и Минска). Заведенная на узников гетто картошка дала следующую картину (по состоянию на 20 ноября 1941 г.):

а) Дети до 14 лет:	
мальчики	2 794
девочки	2 858
б) трудоспособные от 14 до 65 лет:	
мужчины	6 143
женщины	9 507
в) нетрудоспособные:	
мужчины	2 069
женщины	6 231
	8 300
Всего: 29 602 ¹¹⁰	

Создание гетто в крупных городах Латвии (Рига, Даугавпилс, Лиепая) давало евреям некоторый шанс спастись, ибо, в отличие от малых городов и сельской местности, уничтожение евреев здесь, особенно в начальный период оккупации, носило в известной мере избирательный характер и заняло более продолжительный период, в то время как в малых городах и сельской местности оно завершилось к сентябрю и было тотальным¹¹¹.

Владимир Минц. Фото 1940/41 г.

Основную роль в создании гетто играла «гражданская» администрация рейхскомиссариата Остланд¹¹², а именно аппарат обер-бургомистра Риги Х. Витрока¹¹³. Для эксплуатации рабской рабочей силы Рижский департамент труда образовал специальное управление труда евреев. В ведении финансового департамента были денежные перечисления: все работодатели должны были перечислять деньги на счет гетто, и, таким образом, оккупанты рассматривали гетто как самофинансируемое и весьма прибыльное предприятие. В гетто действовала «биржа труда». По утрам из евреев формировались рабочие колонны, которые строем по три в сопровождении охранника шли к местам работы¹¹⁴. В 7 часов утра специально уполномоченные надзиратели уводили эти колонны к местам работы и приводили их обратно в 18 часов¹¹⁵. За такую колонну нес ответственность также специально назначенный еврей — старший рабочей колонны (нем. *Oberjude* — старший еврей). Работающие евреи не получали денег, а работали только за продуктовый паек, который они получали в гетто. Некоторые евреи получали желтое удостоверение личности и могли выходить на работу за пределами гетто самостоятельно¹¹⁶. Другой формой размещения еврейской рабочей силы были так называемые «казернирунги» (на жаргоне узников — «казернировки»¹¹⁷; от нем. *Kasernierung* — перевод на казарменное положение) — вид трудового лагеря, когда узники были временно поселены в домах-казармах вблизи мест работы. В числе рабочих команд и «казернирунгов» в Риге в разное время были: Спилве (район в Задвинье, где были аэродром и цементный завод; «казернирунг» находился в помещениях Ильгюциемского пивоваренного завода), Слока (город в Рижском уезде, ныне часть г. Юрмалы, где велись торфоразработки), «Квартирамт» (команда работала в Старом городе, где убирала и ремонтировала квартиры, из которых были изгнаны евреи), «Труппенвиртшафтслегер» (команда работала в Вецмилгрависе — район в северной части Риги, где обслуживала склады войск СС), «Товарная станция», «Милгравис» (склад горюче-смазочных материалов в северной части Риги), «Тодт» (военно-строительная организация), Солнечный сад (латыш. *Saulesdārzs*, в районе Межапарк), Бабите (поселок в Рижском уезде, где велись торфоразработки), швейные и обувные мастерские СД (ул. Аусекля, 7), «Эйнзацштаб» (оперативный штаб, или «штаб Розенберга») — рабочая команда занимавшаяся сортировкой и отправкой в Германию награбленных в Латвии культурных ценностей¹¹⁸, ССП (сборный санитарный пункт, находился в Цитадели)¹¹⁹, «АЭГ» (в помещениях электротехнического завода «ВЭФ»), НКР-парк (предприятие по ремонту моторизованных средств связи)¹²⁰, *BdO* (аппарат командующего полицией порядка Остланда), *Reichsbahn* (железная дорога), *TWL*, *ABA* (служба обмундирования)¹²¹, а также целый ряд рабочих групп евреев при различных воинских частях и гаражах СД и др.

Управляющий гетто Ф. Браш был подотчетен начальнику аппарата обер-бургомистра Риги В. Альтмейеру, однако контроль «гражданской» администрации над гетто был кажущимся: фактически его осуществляло СД. Латышской вспомогательной полиции была поручена внешняя охрана гетто, которая начала осуществляться с 25 октября, когда гетто было окончательно огорожено и его ворота закрылись. Начальником внешней охраны гетто был бывший лейтенант латвийской армии А. Данцкопс (окончательно утвержден в этой должности 16 февраля 1942 г.¹²²). Латышские охранники были одеты в обноски формы айзсаргов и бывшей латвийской армии¹²³ с зеленой нарукавной повязкой с надписью: *Schutzmannschaften* («охранные отряды»). Им запрещалось отходить от забора и помещения охраны и раз-

гуливать по улицам гетто, а также общаться с его обитателями¹²⁴. Охрана должна была следить за тем, чтобы в гетто не проникали неевреи; пресекать любые контакты с внешним миром она должна была, даже применяя оружие. Входить на территорию гетто разрешалось только лицам из СД, уголовного полиции и полиции безопасности, а также лицам с разрешением гебитскомиссара¹²⁵ (он же обер-бургомистр Риги Х. Витрок). Внешняя охрана отличалась жестокостью по отношению к узникам, при входе рабочих колонн на территорию гетто обыскивала, грабила, избивала и убивала узников¹²⁶. Несмотря на запрет находиться на территории гетто, охранники время от времени проникали в гетто, избивали, грабили и насиловали его обитателей¹²⁷.

Георг Фридман: «Когда мы вошли в дом... то увидели у перил на верхнем этаже полицейского из латышской *Hilfspolizei*, который указал нам жестом вернуться назад. Но поразило его непривычно застенчивое выражение лица. Во дворе нам объяснили, что, мол, там их двое, и пока один стоит на стреме, другой насилует в какой-то квартире еврейскую девушку в присутствии ее родителей. Якобы кто-то каким-то образом... известил об этом комендантуру, и с минуты на минуту ждут жандармов (военную полицию. — Г.С.). И действительно, через короткое время подъезжает армейский джип, из него выскакивают несколько вооруженных жандармов... Они взбегают наверх и через непродолжительное время втискивают двоих захваченных врасплох полицейских в машину и уезжают.

Это, конечно, поразительный случай, капля законности в море беззакония и насилия. Ведь по их законам это было *Rassenschande* («расовый позор») — связь с еврейкой. Но здесь это был как бы парадокс, как ироническое исключение в условиях, когда при угрозах на массовые расстрелы изнасилование еврейских девушек было скорее правилом, чем исключением»¹²⁸.

Ни двухрядная ограда из колючей проволоки, ни запрет контактировать с евреями не спасали их также от банд грабителей, образовавшихся еще со времени «ночных акций». При попустительстве охраны грабители проделывали лазы в ограде гетто, проникали туда и грабили узников¹²⁹. Надзирал за латышской охраной гетто немецкий гауптвахмистр полиции О. Тухель, который лично убил многих евреев в гетто еще до массовых акций по его ликвидации¹³⁰. Вплоть до этих акций хозяйственное руководство гетто находилось в руках обер-бургомистра Риги Х. Витрока¹³¹.

До 28 октября в гетто была образована еврейская полиция под руководством М. Розенталя. В ней было около 80 вооруженных резиновыми дубинками молодых мужчин, задачей которых было заботиться о спокойствии, порядке и мерах по светомаскировке в гетто. «Юденрат», который еще до прибытия в июле нацистского гражданского управления был образован германской военной администрацией, продолжал действовать и в гетто в том же составе (находился в здании еврейской школы по ул. Лацплеша, 141). «Юденрат» был учрежден для управления еврейским населением, состоял из евреев и отвечал за исполнение приказов, касавшихся евреев. Он должен был обеспечить тысячи изгнанных из своих квартир евреев жильем на территории гетто, продовольствием (нормы его выдачи для евреев составляли: 100 граммов хлеба в день и 175

Михаил Эльяшов. Фото ок. 1930 г.

Симон Витенберг. Фото 30-х гг.

граммов мяса (в основном конина) в неделю¹³², медикаментами и пр., организовывать по требованию оккупантов рабочие команды. Председателем рижского «юденрата» был назначен адвокат М. Эльшов, членами — врач Р. Блюменфельд, адвокаты М. Минц, И. Евельсон и др. Почти все они погибли вместе с остальными узниками гетто в первой массовой акции уничтожения 30 июня 1941 г.¹³³ При «юденрате» работала юридическая комиссия во главе с адвокатом О. Финкельштейном. Хозяйственным отделом руководил Шломович, статистическим — бывший депутат латвийского парламента С. Витенберг, тщательно собиравший сведения об узниках гетто; он же руководил погребальным обществом «Хевра-Кадиша» («Священное товарищество»)¹³⁴. Еще в «юденрате» были отделы: строительный, санитарный, жилищный¹³⁵.

«Большое гетто» просуществовало всего чуть более месяца. 5 ноября в Ригу прибыл персонал обергруппенфюрера СС Ф. Эккельна, переведенного в город в качестве высшего руководителя СС и полиции в Остланде и на севере России. Он сменил на этом посту группенфюрера (генерал-лейтенанта) СС Г. А. Прютцмана, который поддерживал намерение Г. Лозе сохранить гетто и далее использовать евреев в качестве рабочей силы¹³⁶. Аппарат Ф. Эккельна насчитывал около 50 человек. 12 ноября сам Ф. Эккельн был вызван в Берлин, где получил лично от рейхсфюрера СС Г. Гимmlера указание ликвидировать Рижское гетто, в противоположность плану Г. Лозе, предполагавшему дальнейшее использование его узников как рабочей силы¹³⁷. В Ригу Ф. Эккельн прибыл около 14 ноября¹³⁸. Массовые убийства рижских евреев произошли 30 ноября и 8 декабря. В качестве места для их уничтожения Ф. Эккельн выбрал Румбулу — маленькую железнодорожную станцию на линии Рига—Даугавпилс¹³⁹, в 12 км от станции Рига, или примерно в 10 км от ворот гетто. На пригорке, в 250 м от станции, в лесу, в песчаном грунте, что позволяло легко это сделать зимой, были вырыты ямы. Руководство «земляными работами» Ф. Эккельн поручил унтерштурмфюреру СС Э. Гемикеру. 20 или 21 ноября в Румбулу были направлены 300 советских военнопленных, которые под надзором немцев и местных полицейев отрыли 6 ям. Каждая яма была 10 м в длину и 2,5—3 м в глубину (по другим данным, в длину 13—15 м, в ширину 10—12 м и в глубину 5 м). Ямы были отрыты в форме перевернутой пирамиды. С одной стороны каждой ямы для входа в нее был сделан земляной наклонный спуск. Рытье было закончено в три дня примерно за неделю до первого расстрела¹⁴⁰.

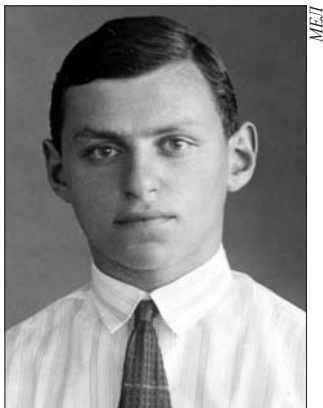
Примерно 27 ноября в северной части гетто четыре квартала стали огораживать колючей проволокой. Этот забор ограничивал «малое гетто», приказ о заполнении которого был издан 28 ноября¹⁴¹. Туда перемещались трудоспособные мужчины, а остальные якобы должны были быть отправлены в другой лагерь на более легкую работу. С собой они могли взять ношу 20 кг. Об этом глаголили плакаты, извещавшие также, что это перемещение должно будет начаться 30 ноября в 6 часов утра¹⁴². Отделение работоспособных мужчин от их семей произошло 29 ноября. С утра все работающие мужчины покинули гетто с рабочими колоннами. В это время евреи, оставшиеся в гетто, были отфильтрованы.

Годных для работы переместили в «малое гетто». По возвращении работающих мужчин их тоже отфильтровали, отделив некоторых как непригодных к работе. В целом в «малое гетто» были помещены около 4400 евреев мужского пола¹⁴³.

Женщин 29 ноября на работу не посылали. Во второй половине дня был вывешен плакат, сообщавший, что тем из них, у кого есть навыки швеи, следует зарегистрироваться в «юденрате». Записались около 300 женщин. Вечером их перевели в Срочную тюрьму у железнодорожной станции Браса в Риге. Примерно 2—3 декабря к ним присоединились еще около 200 женщин. 5 декабря их привезли обратно в гетто и поместили в двух строениях через улицу от «малого гетто»¹⁴⁴, на ул. Лудзас, 68—70¹⁴⁵. В дальнейшем это место стало известно как «женское гетто».

Таким образом, создание трудового лагеря — «малого гетто» позволило избежать смерти в румбульских акциях до 5000 рижских евреев, главным образом мужчинам в возрасте от 16 до 60 лет. Впоследствии в «малом гетто» образовались свои общинные структуры: лазарет, которым руководил Л. Яворковский¹⁴⁶, технический отдел (руководитель — инженер С. Антоколь)¹⁴⁷, еврейская полиция, баня и т.д.¹⁴⁸ Старостой «малого гетто» был А. Кельман¹⁴⁹. В доме на ул. Ликснас, 26, под руководством С. Виттенберга устраивались богослужения и отмечались еврейские праздники, а в доме на ул. Лудзас, 57, перед Пасхой даже пекли мацу¹⁵⁰. В «малом гетто» имелись несколько свитков Торы¹⁵¹.

По заданию Ф. Еккельна его адъютант П. Дегенхардт трижды созывал инструктивные совещания для руководителей всех сил, осуществлявших акции уничтожения, на которых присутствовал руководитель латышской вспомогательной полиции полковник Р. Осис¹⁵². 29 ноября, во второй половине дня, Ф. Еккельн в конференц-зале Дома рыцарства (ныне здание латвийского парламента) созвал собрание офицеров, на котором информировал их о предстоящей ликвидации гетто¹⁵³. В тот же день местным полицаям было приказано быть готовыми на следующее утро конвоировать евреев к станции Румбула, откуда их якобы предполагалось перевести в другое место. Полицаям был дан приказ расстреливать всех, кто отстанет от колонны либо попытается бежать. Инструктировал полицаяев капитан Г. Обервиндер. Перед приказом о транспортировке евреев в Румбулу полицаям была предоставлена возможность приобрести «жидовские вещи». В охране колонн, направлявшихся в Румбулу 30 ноября и 8 декабря, участвовала примерно треть рижских полицаяев, или около 500 человек. К осуществлению акции были привлечены все подразделения немецкой полиции. Численно самую большую часть (но не более двух третей) участников румбульских акций составляли ме-

Лазарь Яворковский. Фото 1930 г.

Артур (Арон) Кельман. Фото 1922 г.

стные полицаи, «команда Арайса» и другие латышские подразделения СД. При числе участников акций 1700 среди них латышей могло быть до 1000 человек. (Наиболее известные из них — В. Арайс, А. Данцкопс, Р. Осис, Г. Цукурс, Р. Штиглиц¹⁵⁴.) В румбульских акциях латышские подразделения СД и полиции играли вспомогательную роль — использовались в качестве охранников и загонщиков¹⁵⁵.

Вечером 29 ноября узникам было объявлено, что на следующий день гетто будет переведено в другое место. Все они должны были быть готовы к утру и ждать во дворах с вещами¹⁵⁶. Рано утром 30 ноября в гетто на перекрестках ул. Лудзас с Лаукас и ул. Ликснас с Жиду группа мужчин проделала в ограде специальные проходы, чтобы сократить путь для выхода из гетто на ул. Маскавас и далее на шоссе, ведущее в Румбулу¹⁵⁷. Для выгона узников из домов, розыска скрывавшихся и расстрела на самой территории гетто были привлечены внешняя охрана гетто под командованием А. Данцкопса (60 рядовых охранников и 11 офицеров)¹⁵⁸ и группа лиц из «команды Арайса» во главе с Г. Цукурсом¹⁵⁹, а также представители немецкой полиции порядка (М. Нойман, О. Тухель, Хесфер и др.)¹⁶⁰. Они ходили от дома к дому, колотя в двери, и через полчаса возвращались к началу пути, чтобы удостовериться, что в доме не осталось ни одного еврея. Ответственным за полную очистку домов от евреев как 30 ноября, так и 8 декабря был О. Тухель¹⁶¹.

Среди узников гетто в целом преобладало неповиновение. Многие из них отказывались выходить из своих жилищ, а старые и больные просто не могли оттуда выйти. Поэтому первые акты насилия и убийства непокорных произошли в домах и у входов в подъезды, а затем на улицах. Евреи старались покинуть формировавшиеся на ул. Лудзас колонны и где-нибудь укрыться¹⁶². Начавшееся в 6 часов утра 30 ноября на ул. Садовникова построение в колонны обреченных на смерть людей продолжалось вдоль всей ул. Лудзас. Колонны численностью по 1000 человек (по пять в ряду) выводились через проделанные в ограде проходы с интервалом примерно в полчаса¹⁶³. Каждую колонну охраняли около 50 полицаев с карабинами наизготовку. Больных, калек и стариков везли в автобусах и грузовых машинах. Некоторые узники отказывались идти, уже находясь в пути. Охрана подгоняла их окриками, пинками, ударами и выстрелами. Расстреливать было приказано не только пытавшихся бежать, но и тех, кто отделился от колонны, чтобы передохнуть на обочине. Убитые оставались лежать на дороге. Среди них было много женщин с детьми и старых людей, которые не могли идти дальше. Более сильные и здоровые старались поддерживать своих изможденных соплеменников, падавших вдоль обочин. Их подбирали и бросали на следовавшие за колоннами телеги и сани, запряженные лошадьми. На дороге, по обочинам и в канавах валялись брошенные вещи¹⁶⁴. Последняя колонна была отправлена из гетто около 12 часов дня. Опустевшие жилища еще раз обыскали, чтобы обнаружить укрывшихся евреев. 20 больных узников оказались прикованными к постелям и не могли быть транспортированы в Румбулу. После полудня майор К. Хейзе, ведавший немецкой полицией порядка, приказал возвратившимся к тому времени из Румбулы полицейским О. Тухелю, М. Нойману, Хесферу и др. вынести больных на соломенных матрацах из больницы, уложить их вдоль улицы и убить выстрелом в голову¹⁶⁵.

Первые убитые в Румбуле евреи не были рижанами — это были так называемые *Reichsjuden* (нем. «евреи из рейха»), или «немецкие евреи» (поскольку

говорили по-немецки). Они были привезены поездом из Германии на станцию Шкиротава (Сортировочная) в Риге 29 ноября ночью. Поскольку место для их размещения не было предусмотрено, 942 человека из них уничтожили в Румбуле утром 30 ноября, перед прибытием туда колонн евреев из Ижского гетто¹⁶⁶. Первая колонна рижских евреев достигла Румбулы в 9 часов утра¹⁶⁷. Ее подогнали к тому месту, где от шоссе отходила тропа, ведущая к месту убийства. Там охранники образовали строй в форме «воронки», обращенной узким концом к ямам¹⁶⁸. Вдоль строя было установлено несколько пулеметов, готовых сдерживать даже массовое бегство. Ближе к яме строй становился плотнее и уже, на расстоянии около 50 м от ямы охранники стояли на расстоянии 6—8 м друг от друга, а «воронка» сужалась до 4—5 м. На поляне перед лесом лица из латышских подразделений СД собирали ношу, которую принесли с собой евреи. По обе стороны тропы стояли деревянные ящики для более ценных вещей, которые евреи еще не побросали в канавы и кусты. Жертвы подводили непосредственно к ямам, чтобы сэкономить труд по перемещению трупов. При прохождении далее сквозь строй их заставляли снять одежду — полностью или до нижнего белья. Обувь сваливали в другую кучу. Тех, кто медлил, полицаи подгоняли прикладами и пинками. Раздетым людям приходилось стоять на морозе, видя, как убивают их родных и близких. Некоторые из них теряли рассудок¹⁶⁹.

Жертвы сходили в яму по наклонному земляному спуску. Обессилевших мужчины заносили в яму и укладывали на свежие трупы¹⁷⁰. Некоторые из них возносили молитвы, некоторые причитали, стонали и плакали. Влюбленные шли, прижавшись друг к другу, а матери крепко прижимали к себе детей. Жертвы заставляли ложиться лицом вниз, поверх тех, кто еще корчился и силился подняться в сочившейся крови и разбрызганных мозгах. Одиночными выстрелами в затылок их убивали с расстояния примерно 2 м. Каждой жертве полагалась одна пуля¹⁷¹. Маленьких детей бросали в ямы живыми¹⁷². Этот предложенный Ф. Еккельном метод убийства назывался «укладкой сардин». Для расстрела использовались советские автоматы, магазины которых вмещали 50 патронов. К тому же эти автоматы позволяли вести огонь одиночными выстрелами¹⁷³. Расстрел Ф. Еккельн поручил произвести своим телохранителям (10—12 человек)¹⁷⁴. Как немцы, так и местные полицаи, участвовавшие в акциях, употребляли много спиртного. Рядовые полицаи получали пол-литра, офицеры — литр водки. Под воздействием алкоголя и с наступлением темноты стрельба уже не могла быть достаточно меткой. Некоторые жертвы приходили в сознание, и в ночи еще долго слышались стоны. Это были легко раненные и просто заваленные телами люди, в которых не попала пуля. Ямы охраняли полицаи, которым было приказано убивать на месте всех выживших. Однако на следующий день около 11 часов утра во дворе железнодорожной станции Румбула появились две голые окровавленные женщины. У одной было прострелено горло, другая была ранена в щеку и у нее был разорван язык. Жена железнодорожного рабочего попросила не убивать их на месте, поскольку дома были дети. Подоспевшими полицаями эти полуживые женщины были свалены в сани и увезены обратно к ямам¹⁷⁵.

Уборка трупов с улиц гетто началась около 14 часов. Как правило, это были старые и больные люди, убитые выстрелом в голову¹⁷⁶. Евреи из «малого гетто» собрали и перевезли трупы на находившееся в черте гетто Старое еврейское

кладбище¹⁷⁷. (Убитых было около 800¹⁷⁸). Для этого использовались санки, подводы, тачки. Некоторые лежавшие на улицах евреи еще дышали, но их добились лица из «команды Арайса»¹⁷⁹.

Э л ь м а р Р и в о ш: «Улица, залитая кровью, белый снег, ставший за одну ночь серым с красными узорами. Трупы — все старики и женщины. Помятые колясочки, детские саночки, сумочки, перчатки и калоши, мешочки с продовольствием, бутылочка с соской, в ней замерзший тум, детский ботик. И по сторонам трупы. Они еще теплые, мягкие, лица залиты кровью, глаза открыты. <...> Худые трупы уже окоченели, и их удобно взять и погрузить, толстые же женщины еще совсем мягкие, и их никак не ухватить, никак не поднять, они как-то выскальзывают из рук. Все время кажется, что эти толстые женщины еще живы и вот-вот завопят. Когда возьмем их на тележке, то они колыхнутся, как живые, а кровь комьями падает на белый снег. <...>».

Мы возим трупы пока только за ворота кладбища, там складываем отдельно рядами мужчин и женщин. <...> Привезли мальчика лет двенадцати. Чудный, красивый ребенок в серой шубке с меховым воротничком, в новых сапожках. Лежал он на спине с широко открытыми голубыми глазами на восковом личике. Револьверная пуля попала в затылок, и только часть воротничка была залита кровью. Лежал он, как кукла, и как-то не верилось, что он еще недавно был живым и, может, веселым ребенком. <...>

Наконец мы пробили замерзший слой земли, вырубая корни, и яма заметно начинает углубляться. Могила большая, приблизительно два на пять метров. Посредине что-то твердое. <...> Ударяю сильнее и выбрасываю песок, с песком — кусок материи с мясом. Это еще осенняя жертва. Оставляем труп на месте и продолжаем углублять яму вокруг него... <...>

...Скоро слышим знакомые окрики. Над оградой появляются головы и плечи конных патриотов, за оградой — шарканье многих ног. Перед нами ворота кладбища, они сплошные железные, но отстают от земли на 25—30 сантиметров. Стоя в яме, видишь бесконечное количество ног. Ноги движутся осторожно, мелкими шажками, боясь поскользнуться. Все почти женские, иногда мелькают маленьки ножки детей. Изредка — палка, ощупывающая дорогу, тут же — игривые конские копыта. На *Židu ielā* (улице Жиду. — Г. С.) в маленьком домике, в мансардной комнате, отодвинута занавеска и видны лица нескольких женщин. На них — ужас, немой упрек и сочувствие — жители Московского района. <...> Ноги [узников] и головы всадников. Как много они говорят, как много горя в этих ногах и какая наглость и удовлетворенность сквозит из этих голов и плеч. <...>. Все проходит на свете, прошла и последняя колонна. Ног больше не видать, всадники медленно удаляются. Одна из женщин в окне подносит к глазам платок. Занавеска опускается»¹⁸⁰.

Арайсовцы рыскали по опустевшим квартирам «большого гетто» в поисках оставленных евреями сколько-нибудь ценных вещей (в частности, их интересовала меховая одежда)¹⁸¹. В тот день ряд узников гетто, в том числе несколько врачей, покончили с собой¹⁸². «Евреи из рейха», прибывшие в Рижское гетто два месяца спустя, еще находили трупы в подвалах и на чердаках¹⁸³. После последней акции в «большом гетто», когда проверяли опустевшие дома, там оставалось около 100 мужчин, женщин и детей, которым удалось спрятаться в разных местах и чудом спастись¹⁸⁴.

8 декабря, в день второй акции, вспомогательный персонал больницы гетто получил приказ подготовить больных к эвакуации. Около полудня в больницу явились несколько эсэсовцев и проверили каждый уголок. К больнице были поданы грузовые автомашины, предназначенные для вывоза на расстрел больных и персонала¹⁸⁵. В гетто стали распространяться ложные слухи, что евреи, увиденные 30 ноября, живы и находятся в каком-то концлагере. 8 декабря узники были более спокойны, ибо думали, что зверства, которые они наблюдали на улицах гетто в день первой акции, больше не могут повториться. С собой было разрешено взять ношу весом 20 кг, которую якобы, как было объявлено, в указанное ме-

сто доставит грузовая машина. На этот раз число застреленных внутри гетто было около 300¹⁸⁶. 8 декабря погиб крупнейший еврейский историк С. М. Дубнов, продолжавший работать над своими трудами и в условиях гетто¹⁸⁷. В день второй акции в Румбуле выжили Фрида Фрид (Михельсон), Элла Медалье (урожд. Гутман) и Матвей Лутрин¹⁸⁸ с женой и еще одна женщина по фамилии Гамбургер¹⁸⁹, а также неизвестный подросток, которого сначала приютил кто-то из окрестных жителей, а потом выдал¹⁹⁰.

Фрида Михельсон: «Колонна вливается в лесок сквозь строй шуцманов. Тут же у входа большой, высокий ящик, а возле него стоит толстый немец-эсэсовец с дубинкой и кричит, чтобы в ящик сбрасывали драгоценности. В ящик падают золотые кольца, сережки, браслеты, часы. <...>

Другой, шуцман-латыш, приказывает снять пальто, бросить в кучу, уже ставшую горой, и идти вперед.

<...> Иду вперед, крича и вырывая волосы, я не чувствую даже, как вырываю их целыми клоچьями. Следующий шуцман кричит: снять все до нижнего белья. <...>

Воспользовавшись моментом... я бросилась на землю лицом в снег и замерла неподвижно. Немного спустя слышу, как надо мной говорят по-латышски:

— Кто здесь лежит?

— Наверное, мертвая, — отвечает громко второй голос. <...>

— *Atrāk, Atrāk!* — это гонят евреев: быстрее, быстрее. И евреи бегут прямо в могилу. Я слышу, как возле меня стонет женщина: «Ай, ай, ай!..» — и чувствую, что она бросила мне на спину какой-то предмет, затем второй.

Голоса женщины больше не слышу, но предметы падают один за другим, я понимаю, что это падает обувь. Вскоре я покрываюсь целой горой ботинок, валенок, бот. <...>

Люди горько рыдают, прощаются друг с другом, и тысячами все бегут и бегут в пропасть. Пулеметы непрерывно стрекочут, а шуцманы все орут и гонят: «Быстрее! Быстрее!», — дубасят дубинками, нагайками. Так длится много часов. Наконец, стихают крики, прекращается бег, смолкает стрельба. Доносятся где-то рядом из глубины звуки, как при работе лопатами, — это, должно быть, закапывают расстрелянных.

Русские голоса их подгоняют, торопят работать быстрее. Вероятно, для этой работы пригнали советских военнопленных. После, наверное, и их самих расстреляют.

Меня давит гора обуви, все тело онемело из-за холода и неподвижности, но я — в полном сознании. От тепла моего тела снег подо мной растаял, и я лежу в луже. <...>

Вдруг неподалеку в стороне от ямы тишину прорезал детский плач и крики:

— Мама! Мама!

Раздались беспорядочные одиночные выстрелы. Плач ребенка смолк. Убили. Опять тишина»¹⁹¹.

Элла Медалье: «Вокруг, насколько можно было охватить взглядом, лес был оцеплен вооруженными охранниками, стоящими на расстоянии нескольких шагов друг от друга, образуя у самого шоссе живые ворота — вход для обреченных. Слышно было, как невдалеке строчили пулеметы.

Дубинками и прикладами нас стали выгонять из машины и пристраивать к хвосту далеко растянувшейся плотной людской массы. <...> Из передних рядов доносились рыдания, переходящие в вопли и крики, сливаясь в сплошной стонущий гул. У многих на руках были дети. Ожидание близкой смерти передавалось и им, но дети не плакали — в детских глазах застыл леденящий душу страх. <...>

Семен Дубнов. Фото 30-х гг.

Вдруг я услышала душераздирающий вопль — все оглянулись. Из-под груди пальто вытащили молодую женщину. Она пыталась спрятаться. К ней сразу подбежали несколько полицаев и, словно разъяренные звери, начали избивать ее, пока не прикончили. <...>

Глухо, где-то из-под земли, беспрерывно раздавались выстрелы. Я подняла голову и увидела: бегут в ряд полунагие люди... <...>

На меня уставился главный палач Арайс. Лицо его было по-животному обезображено, звериным оскалом вывернуты губы, он носился от одной группы к другой, был страшно пьян от водки и безумен от крови. У меня вырвался рыдающий крик:

— *Es neesmu židiete!* (Я не еврейка!)

Меня всю лихорадило. Арайс небрежно отмахнулся и заорал:

— *Seit visi ir židi! Šodien jāplūst židu asinīm!* (Здесь все жида! Сегодня должна литься жидавская кровь!)

<...> Я побежала к немцам. <...> Навстречу мне вышел из ряда какой-то важный, холеный ээсовец, вероятно, предводитель акции. В нескольких шагах от него я выпалила на немецком:

— *Ich bin keine Jüdin!* (Я не еврейка!)

— *Weiso kommen Sie hier?* (Каким образом ты здесь оказалась?!), — крикнул он.

— *Mein Mann war Jude!* (Мой муж был евреем!)

— *Nun Mädels, wenn du lügst, wirst du morgen erschossen!* (Если врешь, девка, застрелим тебя завтра.)

— *Nein! Nein!* (Нет! Нет!), — я замотала головой и заплакала. <...>

Ээсовец скороговоркой приказал что-то шущманам, мне принесли чье-то пальто... <...>

Колонна начала редеть, заканчивались убийства¹⁹².

Число расстрелянных в ходе двух акций в Румбуле евреев из Рижского гетто оценивается примерно в 25 тыс. человек¹⁹³. Всего там было расстреляно 27 800 человек (включая «евреев из рейха», привезенных в ночь на 30 ноября 1941 г., и около 300 советских военнопленных, использовавшихся на «земляных работах»)¹⁹⁴. Испачканная кровью и простреленная одежда убитых 30 ноября и 8 декабря была тщательно отсортирована и вместе с мебелью из гетто впоследствии распродана немцам и местным жителям¹⁹⁵.

Хотя «евреи из рейха», депортированные в Ригу, не принадлежали к населению города и потому формально остаются за рамками темы этой статьи, вкратце следует коснуться и их судьбы.

Первый транспорт с «евреями из рейха» (из Берлина), как и последующие эшелоны с евреями из других европейских стран, прибыл на станцию Шкиротава в Риге в ночь с 29 на 30 ноября, накануне первой акции в Румбуле. За исключением нескольких мужчин, отправленных в бывшее имение Юнгфернгоф (Юмправмуйжа, в 3 км от станции Шкиротава, между шоссе Рига—Даугавпилс и Даугавой), все привезенные евреи (942 человека) были убиты 30 ноября в 8 часов утра в Румбуле, пока по пути туда находились местные евреи¹⁹⁶. 1—8 декабря в Латвию прибыли еще четыре транспорта — всего 3747 человек из Нюрнберга, Штутгарта, Вены и Гамбурга, которые были размещены в концлагере Юнгфернгоф¹⁹⁷. Только в начале 1942 г. в Латвию были привезены 19 тыс. евреев. Около 2000 престарелых и слабых людей, не способных передвигаться самостоятельно, были убиты прямо на станции Шкиротава, и над их могилами оккупанты позднее проложили новый железнодорожный путь¹⁹⁸, существующий и поныне. Всего из «рейха» (т.е. из Германии, Австрии и Чехии) в Латвию (по неполным данным) были депортированы 24 603 еврея¹⁹⁹ (из них в Латвию были убиты около 11 тыс. человек²⁰⁰, выжили 1073 человека²⁰¹) и еще по несколько тысяч (точное количество не установлено) — из Венгрии и Литвы. По некоторым свидетельств-

вам, в Латвию были депортированы евреи и из других европейских стран²⁰². Для такого количества людей не хватало жилья, поэтому там была очень большая смертность — от пребывания на морозе и нехватки продовольствия. Многих из этих евреев лица из «команды Арайса» убили в Бикерниекском лесу («евреев из рейха» они начали там убивать в начале 1942 г.²⁰³). «Евреи из рейха» в целом происходили из слоя предпринимателей и квалифицированных работников и были менее привычны к ручному труду, чем латвийские евреи²⁰⁴. Многие, особенно молодые мужчины, погибли от непосильного труда на строительстве Саласпилсского концлагеря. Условия там были губительными, и смертность от голода и недоедания была очень высокой.

Александр Бергман: «...я увидел через два забора, как на противоположной стороне улицы, в «немецком гетто», стоят на солнышке женщины и держат на руках, как младенцев, своих мужей. Как я впоследствии узнал, то были те мужчины, которых привезли эшелонами в Ригу с их семьями. Однако их направили не в гетто а на стройку концлагеря Саласпилс. Живя в нечеловеческих условиях, постоянно голодая и подвергаясь систематическим унижениям, мужчины мерли как мухи... <...> Оставшихся в живых после завершения строительства концлагеря отправили в гетто, и я их увидел на руках их жен. О них нельзя было даже сказать «кожа да кости» — такими маленькими и сморщенными они выглядели»²⁰⁵.

В Юнгфернгофе были сараи, конюшни и другие хозяйственные постройки, где были размещены евреи, которых использовали на различных строительных работах. Комендантом лагеря был Р. Зек. Сначала внутри и снаружи лагеря евреев охраняло латышское подразделение СД, с января 1942 г. внутри — еврейская полиция во главе с Ю. Леви. Здесь также были «юденрат», больница без лекарств, зато с десятью врачами и обслуживающим персоналом. Число жертв зимой 1941—1942 г. было очень велико. В день от голода и холода в среднем умирали 3 человека. Вещи вновь прибывавших евреев конфисковывались «в пользу Великой Германии» и сортировались. Часть их забирало местное нацистское начальство и отправляло своим семьям в Германию, а часть раздавалась в качестве подарков местным коллаборационистам. В освободившемся в гетто жильё уничтоженных рижских евреев, куда поселяли «евреев из рейха», они могли найти кое-какие необходимые им вещи и даже остатки продовольствия²⁰⁶.

10 декабря 1941 г. контроль над гетто взяло на себя СД, и оберштурмфюрер (старший лейтенант) СС К. Краузе объявил себя комендантом гетто. Он и его адъютант М. Гимних отличались особой жестокостью по отношению к узникам²⁰⁷. Около 1000 евреев, прибывших в этот день из Кельна, были первой группой «евреев из рейха», помещенной в Рижское гетто. В начале 1942 г. примерно четверть территории гетто была отдана обратно в распоряжение города, и в дальнейшем гетто имело тенденцию к сокращению. В период с 14 декабря 1941 по 10 февраля 1942 г. в гетто прибыли 14 групп «евреев из рейха». На этом транспорты евреев оттуда закончились. Когда в августе—сентябре 1944 г. «евреев из рейха» отправляли из концлагеря Кайзервальд обратно в Германию, примерно треть из них еще были живы²⁰⁸.

В феврале 1942 г. в Рижском гетто насчитывалось около 11 тыс. «евреев из рейха», в Юнгфернгофе были размещены примерно 2500, в Саласпилсе — около 1300 из них²⁰⁹. Жизнь «евреев из рейха» в гетто была организована по группам соответственно городам, из которых они прибыли (Берлин, Нюрнберг, Штутгарт, Вена, Гамбург, Кельн, Кассель, Дюссельдорф, Билефельд, Ганновер, Терезиенштадт, Лейпциг²¹⁰, Дортмунд, Прага). Соответствующим образом (по названию

городов) были даже переименованы улицы в гетто²¹¹. В гетто «евреев из рейха» действовал «юденрат»: староста — М. И. Лейзер (Кельн), члены — Г. Флейшелль (Ганновер), З. Блетнер (Кассель), Беренд (Кельн), а также еврейская полиция: Р. Хаар (Дрезден), Мильденберг, Флатов, Крох, Фельдман и др.²¹² Каждая группа имела своего старосту. Медицинской помощью в гетто для «евреев из рейха» руководил врач Ауфрехт²¹³. Для каждой группы немцы выбрали специального полицейского, представителей и старших рабочих колонн.

Считается, что по сравнению с другими гетто Восточной Европы режим в Рижском гетто был несколько более «мягким». Во дворах некоторых домов были даже огородики. Сохранялись семьи и признаки общинной жизни. К 1943 г. в гетто сложилась довольно разнообразная общественная жизнь, включавшая обучение в школе, лекции (в частности по литературе и истории), художественную самодеятельность. Однако рождавшихся в гетто детей охрана уничтожала²¹⁴. Действовала синагога со святым ковчегом, где хранились свитки Торы, и *кантором²¹⁵. Евреи из Германии, исповедовавшие католицизм, имели даже свою молельню (хотя их постигла та же судьба, что и их соплеменников, исповедовавших иудаизм)²¹⁶.

Саласпилский концлагерь начал строиться в Рижском уезде в декабре 1941 г. как место заключения евреев, вывезенных из европейских стран, и до мая 1942 г. там в основном содержали евреи, а затем туда стали заключать латышей и депортированных из западных областей России и Белоруссии²¹⁷. Данные о количестве узников и жертв концлагеря противоречивы. Последние евреи были отправлены оттуда в Рижское гетто в январе 1943 г.²¹⁸ (В 1967 г. на месте концлагеря Саласпилс был открыт мемориальный ансамбль.)

С начала ноября 1942 г. евреи из Рижского гетто стали использоваться для медицинских экспериментов в «институте гигиены» СС, который был создан нацистами на базе серологической станции Латвийского университета в бывшем имении Клейсты (в то время в 5 км от Риги на левом берегу Даугавы). Институт занимался проблемой борьбы с сыпным тифом, и узники гетто служили донорами для подкормки вшей в его лабораториях²¹⁹. Все подвергавшиеся этим экспериментам евреи остались живы.

24 апреля 1942 г. численность охраны гетто была увеличена до роты — 144 человека. Вскоре ее численность была уменьшена до 88 человек — по 44 на смену. Смена работала по 24 часа, и охранники сменялись в 13 часов. При смене постоянно находились четыре немецких полицейских и два латышских офицера²²⁰. В январе 1943 г. К. Краузе был переведен в концлагерь Саласпилс, и новым комендантом гетто стал оберштурмфюрер СС Э. Рошман²²¹.

4 или 5 февраля 1942 г. на расстрел были уведены примерно 1500 евреев старшего возраста из Берлина и Вены²²². 15 марта ознаменовалось так называемой «усть-двинской операцией». Комендант гетто К. Краузе потребовал от каждой группы выбрать от 60 до 120 человек старшего возраста для переселения в Усть-Двинск (Даугавгрива — район города у впадения Даугавы в Рижский залив). Такая же операция 13—14 марта произошла в Юнгфернгофе. Было объявлено, что евреи якобы требуются на рыбозаводе, работа на котором наиболее подходит для пожилых людей. Фактически они были убиты «командой Арайса» в Бикерниекском лесу по методу «укладки сардин». (По другой версии, по дороге туда они были удушены выхлопными газами в автомобилях-«душегубках»²²³.) Ямы рыла группа из 48 евреев — узников рижской Центральной тюрьмы. В целом численность узников в гетто в результате этой акции уменьшилась примерно на 1900 че-

люк, а в Юнгфернгофе — на 1840, а общее число «евреев из рейха» сократилось до примерно 11 060 (9100 в гетто, 1550 в Саласпилсе и 450 в Юнгфернгофе). К февралю 1943 г. их число снизилось до примерно 8060 человек²²⁴.

В Рижском гетто существовало подпольное Сопrotивление, оттуда постоянно предпринимались попытки побега. В частности, группа установила связь с немецким офицером, который за большие деньги обещал снабдить их документами, дававшими возможность морем добраться до Швеции. Однако офицер оказался провокатором СД, и когда беглецы поднялись на судно, они были арестованы и затем убиты²²⁵. Первые подпольные группы появились еще в «большом гетто» в ноябре 1941 г.²²⁶ Считается, что инициаторами движения были предприниматель О. Окунь из Даугавпилса и адвокат Я. Евельсон из Риги. К ним присоединились И. Баг из еврейской полиции, учитель И. Лат, инженер М. Михельсон и механик И. Ботвинкин²²⁷. После ликвидации «большого гетто» с весны 1942 г. подпольщики стали проносить в «малое гетто» и прятать оружие — в основном из Пороховой башни (ныне Военный музей), где немцы устроили склад трофейного оружия. Оружие в разобранном виде пряталось в дровах, ввозимых и вносимых в гетто²²⁸, и в ящиках для пищевых продуктов²²⁹. Прятали оружие в разных местах, например на улицах Лудзас, 58, и Лиела Кална, 14. Один из последних и самых крупных тайников находился на улице Лиела Кална, 66, где жил один из руководителей Сопrotивления О. Окунь. Подпольная группа готовилась оказать вооруженное сопротивление в случае ликвидации гетто. На территории «малого гетто» тайно рыли бункеры и потайные ходы во «внешний мир» — под лагерным ограждением у улицы Лиела Кална к православному Ивановскому кладбищу²³⁰, строителем которого называли инженера С. Антоколя²³¹. В одном из подвалов рядом с кузницей был устроен тир, где учились стрелять²³².

Группа Сопrotивления гетто установила связь с руководителем действовавшей в городе подпольной организации советским офицером-евреем Б. Писмановым — выходцем с Украины, который бежал из лагеря для военнопленных и вместе с группой других бежавших военнопленных скрывался в Риге. Связным между группой Сопrotивления в гетто и подпольной организацией в городе был старший одной из рабочих колонн Зандель. Однако СД через своих агентов стало известно о существовании организации Сопrotивления в гетто, о ее связи с еврейскими полицейскими, о приобретении ею большого количества оружия и о намерении группы узников из латвийской части гетто бежать на грузовике в район Аугшпилса (ныне Вышгородок в Псковской обл.), чтобы соединиться с действовавшими там советскими партизанами, а также о дате готовившегося побега²³³. 28 октября 1942 г. во-

Иосиф Ботвинкин. Фото 1923 г.

Соломон Антоколь. Фото 1929 г.

Мейлах Дамский. Фото 1924 г.

Герберт Махтус. Фото 30-х гг.

оруженная группа в количестве 10 узников совершила побег из гетто на грузовике. Однако о готовившемся побеге стало известно СД, и в течение полутора часов группа вела неравный бой с засадой, устроенной немецкой полицией безопасности на шоссе Рига—Мадона. В результате двое беглецов были задержаны и семь убиты. В отместку за это 31 октября в Бикерниекском лесу были убиты несколько сотен заложников, а в гетто были расстреляны молодые еврейские полицейские (34 человека) и более 50 человек старшего возраста. Скрывшиеся еврейские полицейские М. Дамский и Г. Махтус вскоре были найдены и убиты. Арестованный спустя некоторое время узник гетто И. Израэлович, не выдержав пыток, указал на склад с продовольствием, и гитлеровцам удалось обнаружить бункеры и тайники с оружием и продовольствием в доме на углу улиц Виляну и Лиела Кална. Эти запасы были вывезены из гетто на двух грузовиках. Все жители этого дома были жестоко избиты и арестованы, в том числе О. Окунь. 28 июня были арестованы И. Лат, И. Ботвинкин и др. — всего 185 человек²³⁴.

Провал Сопротивления в Рижском гетто имел следствием то, что гетто латвийских евреев («малое гетто») утратило автономию и административно было включено в состав гетто «евреев из рейха» («немецкого гетто») и стало почитаться «юденрату» («немецкого гетто»), а порядок в нем контролировали еврейские полицейские тоже из «немецкого гетто»²³⁵.

Весной 1943 г. на окраине Риги, в районе Межапарк, началось строительство нового трудового лагеря, занимавшего пространство между проспектом Виестура и железной дорогой (ныне застроено) и получившего название Кайзервальд (Царский лес — историческое название этого района). Лагерь был построен силами заключенных, привезенных из концлагеря Заксенхаузен (в 30 км севернее Берлина), преимущественно немцев и поляков, и в основном ничем не отличался от других нацистских лагерей массового уничтожения²³⁶. Рассчитанный первоначально на 2000 заключенных лагерь должен был служить центром регистрации всех еще остававшихся в живых латвийских евреев, а также местом пребывания для евреев, обитавших в «казернирунгах» в разных местах города во время перерывов в работе. Туда в дальнейшем были перемещены также большинство евреев из Лиепая (около 800²³⁷) и Даугавпилса (около 300²³⁸), где гетто были закрыты.

Переселение узников Рижского гетто в Кайзервальд началось после того, как 21 июня 1943 г. Г. Гиммлер издал приказ о ликвидации всех гетто²³⁹. Первые две группы пешком были перемещены туда в июле, а затем узников перевозили на автомашинах. До конца июля в Кайзервальд были переведены около 5000 евре-

ев. До 21 августа в этот лагерь были отправлены 7874 обитателя гетто. До конца октября в Кайзервальд были переведены большая часть обитателей гетто. Последнее перемещение произошло 2 ноября, и эта дата считается днем закрытия Рижского гетто²⁴⁰. Комендантом лагеря Кайзервальд был оберштурмбаннфюрер (подполковник) СС А. Зауэр²⁴¹. В лагере были три мужских и три женских барака, помещение для больных, склад одежды с пошивочной мастерской, кузница и другие мастерские, небольшой радиомеханический цех²⁴². Когда евреи прибыли из гетто в лагерь, здесь их ожидало устрашающее соседство немецких и польских уголовников, которые строили лагерь²⁴³. В декабре 1943 г. уголовников отправили в Германию²⁴⁴. В Кайзервальд были также помещены евреи из Вильнюса (около 1700 женщин и около 80 мужчин²⁴⁵) и Чехии. В апреле 1944 г. туда были привезены более 5000 еврейских женщин из Венгрии. В гетто остались только некоторые рабочие команды, старики и дети и связанный с ними персонал. 2 ноября 1943 г. старики, дети до 10 лет, учителя, больные и узники, которые не желали быть разлученными с детьми, были увезены в Освенцим. Предположительно, их число превышало 2000²⁴⁶, из которых до места назначения добрались около 800 человек (остальные погибли)²⁴⁷.

Филиалом концлагеря Кайзервальд был трудовой лагерь «Лента», созданный в корпусах одноименной текстильной фабрики в Задвинье, где в разное время содержались 600—1000 узников-евреев (комендант оберштурмфюрер СС Ф. Шервиц)²⁴⁸. Другим его филиалом был концлагерь Страденгоф (Страздумужа, исторический район Югла). Там помимо хозяйственных построек евреи были размещены также на расположенной недалеко текстильной фабрике. В максимальный период заполнения там было около 2000 узников. Перед закрытием лагеря из 1800 его заключенных были уничтожены 1300. Уничтожены были все мужчины и женщины старше 30 лет и моложе 17²⁴⁹. На улице Уденс в Задвинье находился кожаный завод, при котором был гараж грузовых машин. Там содержались 600 евреев — мужчин и женщин²⁵⁰. Филиалами концлагеря Кайзервальд вне Риги, где также содержались рижские евреи, были Дондаген I, Дондаген II (оба в Талсинском уезде), Элея-Мейтене и другие, более мелкие.

В 1944 г. на месте массовых убийств с целью вырыть и сжечь трупы во многих местах Латвии появились специальные команды, подчинявшиеся штандартенфюреру (полковнику) СС П. Блобелю²⁵¹ (в Латвии это была зондеркоманда *SK-1005* под руководством штурмбанфюрера (майора) СС В. Гельфсгота²⁵²). Условно рабочая команда называлась *Stützpunkt* (нем. «опорный пункт»). В Риге этой операцией руководил оберштурмфюрер СС Хасельбах²⁵³, и началась она 9 апреля 1944 г., когда начальник полиции безопасности и СД в Латвии оберштурмбанфюрер СС Р. Ланге выделил в ее распоряжение 30 евреев из концлагеря Кайзервальд²⁵⁴. Для этой работы набирались группы смертников — евреев и советских военнопленных. В окрестностях Риги они работали в Румбуле, Бикерникском лесу и других местах. Массовые могилы раскапывались, останки жертв сжигались, а обгоревшие кости измельчались с помощью специальных костедробильных машин²⁵⁵. Евреи боялись этой работы больше всего, поскольку знали, что ее участники затем сразу же уничтожались там же²⁵⁶. Поскольку узники работали в кандалах, а ночи проводили под открытым небом тут же, в лесу, будучи привязанными к деревьям, то быстро теряли трудоспособность. Тогда их убивали и сжигали в ими же самими сложенных кострах из трупов. В целом в команде *Stützpunkt* погибли не менее 300 евреев²⁵⁷.

Когда места убийств обследовала советская Чрезвычайная государственная комиссия (ЧГК)²⁵⁸, в Бикерниекском лесу, в ложбине у тригонометрического пункта, она обнаружила 12 могильных ям общей площадью 518 м², в 340 м от дома лесника в сторону шоссе, в нескольких метрах от шоссе, — могильную яму площадью 29 м², далее на расстоянии 160 м по другую сторону шоссе, где начинался мелкий подлесок, переходящий в лес, — 42 могильные ямы общей площадью 2338 м², где проводились расстрелы²⁵⁹. Исходя из кубатуры ям, комиссия оценила число жертв, которые могли в них находиться, цифрой 46 500 человек²⁶⁰, однако это только допущение, ибо поздней осенью 1944 г., когда советские эксперты начали обследование могил, обнаружилось, что ямы были пусты, а рядом с ними были обнаружены бочки от горючего, а также специально проложенный рельсовый путь, по которому горючее подвозилось к месту сожжения трупов²⁶¹. Впоследствии по архивным данным было подсчитано, что в Бикерниекском лесу были убиты около 8000 латвийских евреев и 11 000—12 000 «евреев из рейха», т.е. всего около 20 000 евреев. Кроме того, там были убиты около 15 000 жертв других национальностей, включая до 10 000 советских военных. Таким образом, общее число убитых в Бикерниекском лесу оценивается в 35 000 человек²⁶². Местом массового уничтожения рижских евреев был также Дрейлиньский лес (Рижский уезд), где, по данным ЧГК, были расстреляны 13 000 человек (сколько из них были евреями, неизвестно); около 2000 узников гетто были захоронены на Старом еврейском кладбище, которое на всем протяжении существования Рижского гетто было местом погребения казненных «провинившихся» и покончивших с собой²⁶³.

В 1944 г. в Латвии еще были живы по крайней мере 12 тыс. латвийских евреев и «евреев из рейха»²⁶⁴. В конце июля — начале августа в связи с прорывом советских войск к Рижскому заливу в районе Тукумса, в результате чего основная часть германской группы войск «Север» временно оказалась отрезанной от своего тыла, началась эвакуация заключенных концлагерей в Германию²⁶⁵. Евреи из лагерей-спутников Кайзервальда были свезены обратно в Кайзервальд. Большую их часть отправили морем в Германию прямо из Риги, а других — из Лиепая. Транспорт с евреями отправились в Германию 6 августа, 25 и 29 сентября²⁶⁶. Два из трех судов с евреями из концлагеря Штутгоф (среди которых были и евреи из Риги), вышедшие в самые последние дни войны из Данцига (Гданьска) и следовавшие в Германию, были потоплены во время налета авиации союзников, а тех немногих, кому удавалось удержаться на воде, расстреливали и топили гитлеровцы²⁶⁷. Последний транспорт, насчитывавший около 100 человек был отправлен 2 октября, за 10 дней до вступления в Ригу Красной армии²⁶⁸.

Александр Бергман: «...нас ожидал не круиз по Балтийскому морю, а, пожалуй, самое тяжелое физическое и психическое испытание за все время войны... Нас было две тысячи узников — мужчин и женщин, а помещение трюма, в котором мы находились, никак не могло вместить такое количество людей. Мы не только не могли разместиться лежа... но... даже сидя рядом друг с другом. ...Некоторая часть узников провела время плавания, попеременно стоя и сидя.

<...> Туалета в трюме, конечно, не было, и все естественные надобности отправлялись тут же, можно сказать, под себя. Кормили нас соленой рыбой... а воды не давали. ...Можно себе представить, какое чувство жажды я испытывал и как я был близок к помешательству. <...> Отверстие трюма было задраено. Спертый воздух, невероятная вонь как результат испражнения двух тысяч человек. <...>

Меня это наводило на мысль, что нас хотят уничтожить, как в душегубке или газовой камере»²⁶⁹.

Некоторые узники удерживались в Лиепе до начала 1945 г.²⁷⁰ Многие из оставшихся в живых узников Рижского гетто погибли в концлагере Штуттоф (на территории Польши) и на каторжных работах в Германии. Они также содержались и погибли в концлагерях Бухенвальд, Заксенхаузен, Освенцим, Трешлинка, Дахау, Равенсбрюк, Терезиенштадт, а перед самым концом войны участвовали в «маршах смерти», когда гитлеровцы гоняли узников из лагеря в лагерь до изнеможения, чтобы те не попали в руки союзников. Обессиленные жертвы охрана приканчивала²⁷¹. Однако несколько сотен рижских евреев все же были спасены из нацистской неволи частями Красной армии и союзников.

Когда 13 октября 1944 г. в Ригу вошла Красная армия, в живых в городе оставались неполные две сотни евреев, совершивших побег и спасенных их согражданами-неевреями. Из 285 рижских евреев, которых пытались спасти, выжили около 240 человек²⁷². Более 50 (беспрецедентный случай в Латвии) евреев спасли от уничтожения Ж. Липке и его супруга, Ф. Биненфелдс, Ж. Бриедис, А. Граубиньш, А. Дагарова, М. Келере с сыновьями, Ж. Милерс с сестрой, В. Путриня, Ж. Розенталс, Ф. Розенталс, Я. Ундулис, К. Янковский²⁷³. Рижских евреев спасали также А. Апсе, К. Ванга, П. Василенок, семья Вилломсонов, Т. Гартмане, А. Герасимов, М. Грибиньш, А. Дуте, А. Ежкова, семья Каминских, М. Колесникова, семья Кумеровых, К. Луминьш, К. Нагис, А. Пенькова, А. Полис (казнена нацистами), семья Цуринойшей²⁷⁴, А. Дидрихсон, Я. Каукитис, А. Круминьш, семья Приеде и др.²⁷⁵ Всего нацистскую оккупацию пережили неполная тысяча рижских евреев²⁷⁶.

Подавляющее большинство убийц и мучителей рижских евреев в конце войны бежали на Запад (Р. Штиглиц, А. Данцкопс, Р. Осис и многие другие). Советскими партизанами в Псковской области 23 марта 1942 г. был убит В. Шталеккер. Ф. Еккельн был публично казнен (повешен) в Риге 3 февраля 1946 г. по приговору состоявшегося здесь судебного процесса. Г. Цукурс, бежавший в Бразилию, в 1965 г. был выслежен и схвачен сотрудниками израильской разведки в Монтевидео, однако ввиду невозможности доставить его в Израиль для суда над ним, он был уничтожен на месте. В. Арайса, арестованного в Германии 10 июля 1975 г., суд 21 декабря 1979 г. приговорил к пожизненному заключению (умер 13 января 1988 г.). В 1976—1977 гг. бежавший после войны в США В. Хазнерс обвинялся там в военных преступлениях, но был оправдан за недостаточностью улик²⁷⁷. В разные годы в Германии перед судом предстали Г. Лозе, О. Тухель, М. Нойман, М. Гимних, К. Мигге, А. Зауэр, Р. Зек, Г. Обнрвиндер, Э. Гемикер и другие германские полицейские и военнослужащие²⁷⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны, 1941—1945. Рига, 1970. С. 296—321.

² *Ezergailis A. Arāja komanda // LPSR ZA Vēstis. 1988. Nr. 10. 2.—49. lpp.* Перевод статьи на русский язык (с сокращенным научным аппаратом) см.: *Эзергайлус А. Команда Арайса // ВЕК (Вестн. евр. культуры). 1990. № 1/2. С. 34—42.*

³ *Vestermanis M. Holokausta Latvijā: Historiogr apsk. // Holokausta izpētes problēmas Latvijā. R., 2001. 36.—48. lpp.*

⁴ См.: *Ezergailis A. Holokausta pētīšanas problēmas Latvijā // Latv. Vēst. Inst. Žurn. 1993. Nr. 1. 126.—130. lpp.; Nr. 2. 131.—139. lpp.*

⁵ *Ezergailis A. The Holocaust in Latvia, 1941—1944: A missing center. Riga, [1996].* В дополненном переводе на латышский язык этот труд вышел под названием «Холокост в оккупированной немцами Латвии, 1941—1944» (*Ezergailis A. Holokausta vācu okupētājā Latvijā, 1941—1944. R., 1999.*)

- ⁶ *Странга А.* Предварительные замечания по теме «Холокост» // Евреи в меняющемся мире: Материалы 2-й Междунар. конф. Рига, 25—27 авг. 1997 г. Рига, 1998. С. 357.
- ⁷ См.: *Kaufmann M.* Churbn Lettland: Die Vernichtung der Juden Lettlands. München, 1947; *Михельсон Ф.* Я пережила Румбулу. Бет-Лохамей-Гагеттаот (Изра.), 1973; *Гуревич А.* Поющие лошади. Рига, 1976; *Schneider G.* Journey into terror: Story of the Riga ghetto. N. Y., 1979; *Levenstein M.* On the brink of nowhere. [S.l.], 1983; *Левин А.* Черту через зубы. [Б.м.], 1986; *Ривош Э.* Между жизнью и смертью // Год за годом. 1987. [№] 3; *Он же.* Рижское гетто // Книга спасения / Авт.-сост. Л. Коваль. Юрмала, 1993. Ч. 1. С. 170—227; *Press B.* Judenmord in Lettland, 1941—1945. Berlin, 1988; *Медалье Э.* Право на жизнь // Зильберман Д. И Ты это видел. Нью-Йорк, 1989. С. 36—59; *Muted voices* / Ed. G. Schneider. N.Y., 1989; *Iwens S.* How dark the Heavens. N. Y., 1990; *The unfinished road* / Ed. G. Schneider. N.Y., 1991; *Зальцман Е.* Это горькое счастье. Рига, 1995; *Цин Б.* Выжить, чтобы вернуться. Тель-Авив, 1997; *Kacel B.* From hell to redemption: A memoir of the Holocaust. Colorado, 1998; *Ratz J.* Endless miracles. N.Y., 1998; *Rabinovici Sh.* Thanks to my mother. N.Y., 1998; *Michelson M.* City of life, city of death: Memoires of Riga. Colorado, 2001 и др. Ряд неопубликованных воспоминаний о Рижском гетто хранятся в фондах Музея и документационного центра «Евреи в Латвии» в Риге (см.: *Muzeja “Ebreji Latvija” krājuma materiālu apskats.* R., 2002. 29.—42. lpp.; *Guide to the collection of the Museum “Jews in Latvia”.* Riga, 2002. P. 33—57).
- ⁸ *Фридман Г.* Что с нами случилось: Восп. Рига, 2004; *Бергман А.* Записки недочеловека. Рига, 2005. Об особенностях публикации такого рода источников см.: *Смирин Г.* «Что с нами случилось»: мемуары узника Рижского гетто Георга Фридмана (опыт подготовки к изданию) // Материалы 10-й Междунар. междисциплин. конф. по иудаике. М., 2003. Ч. 1. С. 291—307. Обзор проблемы в целом см.: *Смирин Г.* Холокост как «болезненная» проблема в новейшей историографии Латвии // Материалы 9-й ежегод. Междунар. междисциплинар. конф. по иудаике. М., 2002. С. 346—363; *Он же.* Тяжкий груз прошлого: Холокост в Латвии в исследованиях последних лет // Даугава. 2002. № 6. С. 131—145.
- ⁹ О процессе миграции рабочей силы см.: *Шнейдере И. Р.* Социалистическая индустриализация в Латвии: Ход, итоги, проблемы. Рига, 1989. С. 141—144.
- ¹⁰ Напр.: *Anderson E.* Latvijas vēsture, 1920—1940: Ārpolitika. [Stokholma], 1984. 2. sēj. 522. lpp.
- ¹¹ Рассчитано по: *Spridzāns B.* Tā sākas Latvijas iedzīvotāju masveida represijas // *Represēto saraksts*, 1941. R., 1996. 2.—3. lpp. (Latv. Arhīvi. Pielik. Nr 1).
- ¹² *Stranga A.* Ebreju bēgļi Latvijā, 1933—1940 // *Holokausta izpētes problēmas Latvijā.* R., 2001. 319. lpp.
- ¹³ Черная книга: О злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и лагерях Польши во время войны 1941—1945 гг. / Сост. под ред. В Гроссмана и Э. Эренбурга. Вильнюс, 1993. С. 329.
- ¹⁴ *Ezergailis A.* Op. cit. 209. lpp.
- ¹⁵ *Эзергайлс А.* Указ. соч. С. 34.
- ¹⁶ *Ezergailis A.* Op. cit. 209. lpp.
- ¹⁷ *Жагар Э. А.* Некоторые особенности классово-борьбы в Латвийской ССР накануне Великой Отечественной войны // В дни войны. Рига, 1964. С. 52.
- ¹⁸ *Ezergailis A.* Op. cit. 209. lpp; *Эзергайлс А.* Указ. соч. С. 38.
- ¹⁹ *Жагар Э. А.* Указ. соч. С. 50, 52; Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны, 1941—1945. Рига, 1970. С. 79—80; *Ezergailis A.* Op. cit. 58.—59., 144.—145., 148.—149. lpp.
- ²⁰ *Жагар Э. А.* Указ. соч. С. 53; Борьба латышского народа... С. 74.
- ²¹ *Häznerns V. A.* Varmācības torni: Atmiņas. Lincolna (Nebr.), 1977. 252. lpp. u.c.; Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941—1944): Сб. док. и материалов. Иерусалим, 1992. С. 116—117.
- ²² *Цейтлин Ш. (Б.)* Документальная история евреев Риги. [Тель-Авив], 1989. С. 128.
- ²³ *Рысин Х.* Металл и душа: Художник о своей жизни. Рига, 1997. С. 22—23; *Аролович С.* Этого не забыть // Латвийские евреи-воины, погибшие в борьбе с нацизмом, 1941—1945: Кн. памяти. Рига, 1997. С. 5; *Фридман Г.* Указ. соч. С. 20; и др.

- ²⁴ *Медалье Э.* Указ. соч. С. 37.
- ²⁵ *Левенштейн М.* Указ. соч. С. 102.
- ²⁶ Борьба латышского народа... С. 298; *Медалье Э.* Указ. соч. С. 38.
- ²⁷ Музей «Евреи в Латвии» (далее — МЕЛ), III/65 (записки скульптора Э. Ривоша), л. 5.
- ²⁸ МЕЛ, III/65, л. 6; *Медалье Э.* Указ. соч. С. 38.
- ²⁹ Борьба латышского народа... С. 299; *Ezergailis A.* Op. cit. 227. lpp.
- ³⁰ Ibid. 246. lpp.
- ³¹ См. прим. 11 на с. 326.
- ³² Борьба латышского народа... С. 287.
- ³³ Tēvija. 1941. 4. jūl.
- ³⁴ *Эзергайлс А.* Указ. соч. С. 37
- ³⁵ *Ezergailis A.* Op. cit. 206. lpp.
- ³⁶ *Жагар Э. А.* Указ. соч. С. 48. (Корпорация — объединение на основе общности профессиональных или сословных интересов. Студенческие корпорации по примеру прибалтийских немцев со второй половины XIX в. стали создавать и латыши. После окончания учебного заведения корпоранты переходили в разряд филистеров и продолжали считаться членами своих корпораций).
- ³⁷ *Эзергайлс А.* Указ. соч. С. 38; *Фридман Г.* Указ. соч. С. 47.
- ³⁸ *Крысин М. Ю.* Прибалтика между Сталиным и Гитлером. М., 2004. С. 215.
- ³⁹ *Ezergailis A.* Op. cit. 269. lpp.
- ⁴⁰ *Blāķis Ā.* Medaļas otrā puse. Buenosaires, [s.a.] 8. lpp.
- ⁴¹ Очерки истории Латвии: С 1940 г. до наших дней / Под ред. М. Вирсиса. Рига, 1991. С. 72.
- ⁴² Евреи в Риге: Фрагменты еврейской истории на карте Риги: Крат. путеводитель / Авт. текста и карты М. Вестерман. Рига, 1992. С. 37.
- ⁴³ *Kaufmann M.* Op. cit. P. 50—54; МЕЛ, III-118 (восп. Р. Шефер-Лубоцкой).
- ⁴⁴ Евреи в Риге. С. 37.
- ⁴⁵ Tēvija. 1941. 2. jūl.; МЕЛ, III/65, л. 8.
- ⁴⁶ Борьба латышского народа... С. 301.
- ⁴⁷ Черная книга. С. 332; Мы обвиняем: Док. и материалы. Рига, 1967. С. 72—73.
- ⁴⁸ Tēvija. 1941. 23. aug.
- ⁴⁹ *Ezergailis A.* Op. cit. 210. lpp.
- ⁵⁰ Ibid. 218., 230. lpp.
- ⁵¹ МЕЛ, III/65, л. 5, 7.
- ⁵² Там же, л. 5—6; *Левенштейн М.* Указ. соч. С. 103.
- ⁵³ См. прим. 4 на с. 326.
- ⁵⁴ *Медалье Э.* Указ. соч. С. 41; *Цейтлин Ш. (Б.)* Указ. соч. С. 137—138; Евреи в Риге. С. 38.
- ⁵⁵ *Медалье Э.* Указ. соч. С. 40.
- ⁵⁶ МЕЛ, III/65, л. 8; Евреи в Риге. С. 37.
- ⁵⁷ Евреи в Риге. С. 37.
- ⁵⁸ МЕЛ, III/65, л. 6—7, 9.
- ⁵⁹ *Эзергайлс А.* Указ. соч. С. 40.
- ⁶⁰ МЕЛ, III/65, с. 6; *Михельсон Ф.* Указ. соч. С. 33. *Медалье Э.* Указ. соч. С. 42—43.
- ⁶¹ *Kaufmann M.* Op. cit. S. 57—58; Евреи в Риге. С. 37; *Медалье Э.* Указ. соч. С. 40—42. *Май Л.* «Перконкрустс» без маски, или Феномен «П» и его современные апологеты. Рига, 1998. С. 16; *Фридман Г.* Указ. соч. С. 42—51.
- ⁶² *Михельсон Ф.* Указ. соч. С. 33.
- ⁶³ *Фридман Г.* Указ. соч. С. 46, 49.
- ⁶⁴ *Ezergailis A.* Op. cit. 365. lpp.

- ⁶⁵ Латвийский государственный исторический архив (далее — ЛГИА), ф. 1376, оп. 1, д. 6, л. 7.
- ⁶⁶ Черная книга. С. 334; *Фридман Г.* Указ. соч. С. 44.
- ⁶⁷ *Эзергайлс А.* Указ. соч. С. 40.
- ⁶⁸ МЕЛ, III/65, л. 7.
- ⁶⁹ *Ezergailis A.* Op. cit. 219. lpp.
- ⁷⁰ МЕЛ, III/65, л. 7.
- ⁷¹ Напр.: Борьба латышского народа... С. 299—300; *Шнеер А.* Латвийские евреи в годы Второй мировой войны (Холокост в Латвии по материалам Зала имен института «Яд-Вашем») // Евреи в меняющемся мире: Материалы 4-й Междунар. конф., Рига, 20—22 нояб. 2001 г. Рига, 2002. С. 338. Гамбургский суд, рассматривавший дело В. Арайса в 1970-х гг., не пришел к заключению о таком количестве жертв.
- ⁷² *Цейтлин Ш. (Б.)* Указ. соч. С. 127; Евреи в Риге. С. 10—14.
- ⁷³ *Ezergailis A.* Op. cit. 269. lpp.
- ⁷⁴ *Цейтлин Ш. (Б.)* Указ. соч. С. 228.
- ⁷⁵ *Эзергайлс А.* Указ. соч. С. 41; *Ezergails A.* Op. cit. 242., 219. lpp.
- ⁷⁶ Ereignismeldungen. 16. Juli.
- ⁷⁷ *Ezergailis A.* Op. cit. 219. lpp.
- ⁷⁸ *Эзергайлс А.* Указ. соч. С. 41.
- ⁷⁹ *Ezergailis A.* Op. cit. 258. lpp.
- ⁸⁰ Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации. С. 118, 169—170.
- ⁸¹ *Михельсон Ф.* Указ. соч. С. 32—33.
- ⁸² ЛГИА, ф. Р-1026, оп. 1, д. 3, л. 237—239; Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации. С. 169—170.
- ⁸³ Tēvija. 1941. 24. jul.
- ⁸⁴ *Ezergailis A.* Op. cit. 364. lpp.
- ⁸⁵ *Фридман Г.* Указ. соч. С. 74.
- ⁸⁶ *Цейтлин Ш. (Б.)* Указ. соч. С. 140.
- ⁸⁷ *Бобе М.* Ди идн ин Летланд. Тель-Авив, 1972. С. 201. (Евреи в Латвии. На идише)
- ⁸⁸ *Медалье Э.* Указ. соч. С. 39.
- ⁸⁹ МЕЛ, III-30; III-1382.
- ⁹⁰ Евреи в Риге. С. 43.
- ⁹¹ Мы обвиняем. С. 71—72.
- ⁹² Там же. С. 72—73.
- ⁹³ МЕЛ, III-30.
- ⁹⁴ Мы обвиняем. С. 75.
- ⁹⁵ См. прим. 7 на с. 62.
- ⁹⁶ Tēvija. 1941. 23. aug.
- ⁹⁷ См. прим. 9 на с. 62.
- ⁹⁸ *Ezergailis A.* Op. cit. 391. lpp.
- ⁹⁹ Мы обвиняем. С. 75.
- ¹⁰⁰ *Ezergailis A.* Op. cit. 391. lpp.
- ¹⁰¹ *Цейтлин Ш. (Б.)* Указ. соч. С. 140.
- ¹⁰² МЕЛ, III/65, л. 21; *Михельсон Ф.* Указ. соч. С. 60.
- ¹⁰³ МЕЛ, III/65, л. 6; *Фридман Г.* Указ. соч. С. 39.
- ¹⁰⁴ *Медалье Э.* Указ. соч. С. 43—44.
- ¹⁰⁵ См. прим. 48 на с. 93.
- ¹⁰⁶ *Альстиулер Б., Черфас Д.* Профессор Минц. Рига, 1970; *Фридман Г.* Указ. соч. С. 131—134; *Левенштейн М.* Указ. соч. С. 108—109.

- ¹⁰⁷ МЕЛ, III/65, л. 99; *Цейтлин Ш. (Б.)* Указ. соч. С. 231—232; *Пресс Б.* Убийство евреев в Латвии // Книга спасения / Авт.-сост. и лит. зап. Л. Коваль. Юрмала, 1993. Ч. 1. С. 283.
- ¹⁰⁸ *Бо́бе М.* Указ. соч. С. 210.
- ¹⁰⁹ Tēvija. 1941. 23. aug.
- ¹¹⁰ Мы обвиняем. С. 75.
- ¹¹¹ См.: *Vīksne R.* Ebreju iznīcināšana Aucē 1941. g. jūlijā // *Holokausta izpētes jautājumi Latvijā*. R., 2003. 106. lpp. (Latv. Vēsturnieku kom. r. 8. sēj.).
- ¹¹² Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации. С. 119.
- ¹¹³ *Ezergailis A.* Op. cit. 394. lpp.
- ¹¹⁴ Мы обвиняем. С. 73—74.
- ¹¹⁵ Черная книга. С. 335; *Ezergailis A.* Op. cit. 369.—370. lpp.
- ¹¹⁶ *Цейтлин Ш. (Б.)* Указ. соч. С. 143.
- ¹¹⁷ *Фридман Г.* Указ. соч. С. 116.
- ¹¹⁸ Там же. С. 78, 121.
- ¹¹⁹ МЕЛ, III/65, л. 93—95.
- ¹²⁰ *Бо́бе М.* Указ. соч. С. 225—226.
- ¹²¹ *Бергаман А.* Указ. соч. С. 43, 53.
- ¹²² *Ezergailis A.* Op. cit. 397., 412. lpp.
- ¹²³ Устное свидетельство очевидцев М. Вестермана (2003 г.) и А. Бергмана (2005 г.).
- ¹²⁴ Мы обвиняем. С. 73—74.
- ¹²⁵ Там же.
- ¹²⁶ *Пресс Б.* Указ соч. С. 282; *Фридман Г.* Указ. соч. С.87.
- ¹²⁷ *Ezergailis A.* Op. cit. 371. lpp.; *Фридман Г.* Указ. соч. С. 96.
- ¹²⁸ *Фридман Г.* Указ. соч. С. 96—97.
- ¹²⁹ *Ezergailis A.* Op. cit. 219., 398. lpp.
- ¹³⁰ МЕЛ, I-1168.
- ¹³¹ *Ezergailis A.* Op. cit. 369. lpp.
- ¹³² *Бо́бе М.* Указ. соч. С. 208, 216.
- ¹³³ Евреи в Риге. С. 17—18.
- ¹³⁴ *Бо́бе М.* Указ. соч. С. 208, 213.
- ¹³⁵ МЕЛ, III/65, л. 25.
- ¹³⁶ *Stranga A., Vestermanis M.* Rīgas geto iedlodzīto noslepkavošana Rumbulā 1941. gada 29.—30. novembrī un 1941 gada 8. decembrī: Īsa vēsturiska izziņa. (Справка МЕЛ).
- ¹³⁷ *Krausnick H., Wilhelm H.-H.* Die Truppe des Weltanschauungskrieges: Die Einsatzgruppen der Sicherpolizei und des SD, 1938—1942. Stuttgart, 1981. S. 567.
- ¹³⁸ *Ezergailis A.* Op. cit. 274. lpp.
- ¹³⁹ *Цейтлин Ш. (Б.)* Указ. соч. С. 145.
- ¹⁴⁰ *Ezergailis A.* Op. cit. 303. lpp., 275. lpp.
- ¹⁴¹ *Михельсон Ф.* Указ. соч. С. 64.
- ¹⁴² МЕЛ, III/65, л. 53—54.
- ¹⁴³ Там же, л. 81.
- ¹⁴⁴ *Михельсон Ф.* Указ. соч. С. 76; *Медалье Э.* Указ. соч. С. 45—46.
- ¹⁴⁵ *Пресс Б.* Указ. соч. С. 279.
- ¹⁴⁶ Яворковский Лазарь Израилевич (1910—1995) — врач-гематолог и ученый-медик. Доктор медицинских наук (1965), почетный член Латвийской академии наук (1992). Окончил медицинский факультет Латвийского университета, в 1935—1940 гг. работал врачом в Риге. В годы войны узник Рижского гетто, концлагерей Кайзервальд (Рига), Штутгоф (Польша), Бухенвальд (филиал в Магдебурге, Германия). В 1946—1962 гг. врач, заведующий отделением Республиканской клинической больницы в Риге, в 1959 г. создал в этой больнице первое в Латвии гематологическое от-

- деление. В 1962—1972 гг. преподаватель, профессор (с 1968 г.) Рижского медицинского института (РМИ), в 1973—1993 гг. сотрудник, заведующий отделом РМИ (впоследствии Латвийской медицинской академии). Труды по лейкозам и другим болезням крови.
- 147 МЕЛ, III/65, л. 76.
- 148 Там же, л. 68, 99—100; *Пресс Б.* Указ. соч. С. 296, 301—302.
- 149 *Пресс Б.* Указ. соч. С. 279; *Фридман Г.* Указ. соч. С. 134.
- 150 *Цейтлин Ш. (Б.)* Указ. соч. С. 231.
- 151 *Пресс Б.* Указ. соч. С. 286.
- 152 *Stranga A., Vestermanis M.* Op. cit.
- 153 *Ezergailis A.* Op. cit. 277. lpp.
- 154 *Ibid.* 283., 365., 280., lpp.
- 155 *Эзергайлис А.* Указ. соч. С. 35.
- 156 *Медалье Э.* Указ. соч. С. 45.
- 157 *Цейтлин Ш. (Б.)* Указ. соч. С. 146; *Ezergailis A.* Op. cit. 283. lpp.
- 158 *Stranga A., Vestermanis M.* Op. cit.
- 159 *Ezergailis A.* Op. cit. 283.—284. lpp.
- 160 *Stranga A., Vestermanis M.* Op. cit.
- 161 *Ibid.* 279. lpp.
- 162 *Цейтлин Ш. (Б.)* Указ. соч. С. 146.
- 163 Там же. С. 146—147.
- 164 Там же. С. 147. *Ezergailis A.* Op. cit. 284., 287. lpp.
- 165 *Ibid.* 289. lpp.
- 166 Евреи в Риге. С. 39.
- 167 *Цейтлин Ш. (Б.)* Указ. соч. С. 147.
- 168 *Ezergailis A.* Op. cit. 287. lpp.
- 169 *Цейтлин Ш. (Б.)* Указ. соч. С. 147.
- 170 Там же.
- 171 *Ezergailis A.* Op. cit. 288. lpp.
- 172 *Цейтлин Ш. (Б.)* Указ. соч. С. 147.
- 173 *Ezergailis A.* Op. cit. 274. lpp.
- 174 *Ibid.* 275. lpp.
- 175 *Krausnick H., Wilhelm H.-H.* Op. cit. S. 565.
- 176 МЕЛ, III/65, л. 65; Черная книга. С. 353.
- 177 См. прим. 4 нас. 169.
- 178 *Цейтлин Ш. (Б.)* Указ. соч. С. 250; Устное свидетельство очевидца М. Вестермана (2003 г.).
- 179 *Ezergailis A.* Op. cit. 289. lpp.
- 180 МЕЛ, III/65, л. 71—73.
- 181 *Бергман А.* Указ. соч. С. 59—60.
- 182 МЕЛ, III/65, л. 65.
- 183 *Ezergailis A.* Op. cit. 290. lpp.
- 184 *Бобе М.* Указ. соч. С. 211.
- 185 *Медалье Э.* Указ. соч. С. 47.
- 186 МЕЛ, III/65, л. 68; *Ezergailis A.* Op. cit. 293. lpp.
- 187 Черная книга. С. 336.
- 188 *Цейтлин Ш. (Б.)* Указ. соч. С. 148.
- 189 Данные музея «Евреи в Латвии».
- 190 *Михельсон Ф.* Указ. соч. С. 90, 99.
- 191 Там же. С. 81—85.
- 192 *Медалье Э.* Указ. соч. С. 48—51.
- 193 *Stranga A., Vestermanis M.* Op. cit.

- ¹⁹⁴ Мы обвиняем. С. 77—79.
- ¹⁹⁵ *Пресс Б.* Указ. соч. С. 282.
- ¹⁹⁶ Евреи в Риге. С. 39.
- ¹⁹⁷ *Ezergailis A.* Op. cit. 220. lpp.
- ¹⁹⁸ Евреи в Риге. С. 41.
- ¹⁹⁹ *Buch der Erinnerung: Die ins Baltikum deportierten deutschen, österreichischen und tschechoslowakischer Juden / Bearb. von W. Scheffler u. D. Schulle.* München, 2003. Bd. 1. S. 47.
- ²⁰⁰ *Ezergailis A.* Op. cit. 407. lpp.
- ²⁰¹ Данные музея «Евреи в Латвии».
- ²⁰² *Бергман А.* Указ. соч. С. 65.
- ²⁰³ *Эзергайлс А.* Указ. соч. С. 41.
- ²⁰⁴ *Ezergailis A.* Op. cit. 409. lpp.
- ²⁰⁵ *Бергман А.* Указ. соч. С. 69.
- ²⁰⁶ *Цейтлин Ш. (Б.)* Указ. соч. С. 157.
- ²⁰⁷ *Пресс Б.* Указ. соч. С. 282.
- ²⁰⁸ *Ezergailis A.* Op. cit. 411., 410. lpp.
- ²⁰⁹ *Schneider G.* Journey into terror: The story of the Riga ghetto. N.Y., 1979. P. 45.
- ²¹⁰ *Ibid.* P. 155.
- ²¹¹ *Цейтлин Ш. (Б.)* Указ. соч. С. 158.
- ²¹² *Ezergailis A.* Op. cit. 410. lpp.
- ²¹³ *Бобе М.* Указ. соч. С. 215.
- ²¹⁴ *Katz J.* One who came back: The diary of Jewish survivor. N.Y., 1973. P. 69—70.
- ²¹⁵ *Бобе М.* Указ. соч. С. 217; *Пресс Б.* Указ. соч. С. 286.
- ²¹⁶ Там же; *Цейтлин Ш. (Б.)* Указ. соч. С. 158.
- ²¹⁷ Борьба латышского народа... С. 308—309.
- ²¹⁸ Латвийский государственный архив (далее — ЛГА), ф. 1986, оп. 1, д. 28446.
- ²¹⁹ *Цейтлин Ш. (Б.)* Указ. соч. С. 234; *Пресс Б.* Указ. соч. С. 296.
- ²²⁰ *Ezergailis A.* Op. cit. 370. lpp.
- ²²¹ *Ibid.* 414. lpp.
- ²²² *Ibid.* 411. lpp.; *Фридман Г.* Указ. соч. С. 105.
- ²²³ *Цейтлин Ш. (Б.)* Указ. соч. С. 159.
- ²²⁴ *Ezergailis A.* Op. cit. 412. lpp.
- ²²⁵ *Бобе М.* Указ. соч. С. 218.
- ²²⁶ *Левенштейн М.* Указ. соч. С. 114.
- ²²⁷ *Бобе М.* Указ. соч. С. 218; *Пресс Б.* Указ. соч. С. 283.
- ²²⁸ *Левенштейн М.* Указ. соч. С. 114.
- ²²⁹ *Пресс Б.* Указ. соч. С. 283.
- ²³⁰ Евреи в Риге. С. 40—41; *Цейтлин Ш. (Б.)* Указ. соч. С. 233.
- ²³¹ *Пресс Б.* Указ. соч. С. 283.
- ²³² Там же.
- ²³³ Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации. С. 358—362.
- ²³⁴ *Бобе М.* Указ. соч. С. 222; *Фридман Г.* Указ. соч. С. 146.
- ²³⁵ Там же. С. 220.
- ²³⁶ Евреи в Риге. С. 42—43. *Vestermanis M.* Koncentrācijas nometne “Rīga-Kaserwald” (daži nometnes vēstures aspekti) // *Holokausta izpēte Latvijā.* R., 2004. 32.—39. lpp. (Latv. vēsturnieku kom. r. 12. sēj.).
- ²³⁷ Данные музея «Евреи в Латвии».
- ²³⁸ Там же.
- ²³⁹ Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации. С. 262.
- ²⁴⁰ *Бобе М.* Указ. соч. С. 224.
- ²⁴¹ *Левенштейн М.* Указ. соч. С. 130.

- ²⁴² *Katz J.* Op. cit. P. 140.
- ²⁴³ Бергман А. Указ. соч. С. 107.
- ²⁴⁴ *Ezergailis A.* Op. cit. 418. lpp.
- ²⁴⁵ Евреи в Риге. С. 43.
- ²⁴⁶ *Ezergailis A.* Op. cit. 415. lpp.; *Vestermanis M.* Koncentrācijas nometne “Rīga-Kaserwald”... 35. lpp.
- ²⁴⁷ Данные музея «Евреи в Латвии».
- ²⁴⁸ Там же.
- ²⁴⁹ *Ezergailis A.* Op. cit. 422., 423. lpp.
- ²⁵⁰ *Ibid.* 298. lpp.
- ²⁵¹ Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации. С. 275—276.
- ²⁵² *Vestermanis M.* Memoriāls nacisma terora upuriem Bieķernieku mežā, Rīgā: Vēsturiska izziņa. (Справка МЕЛ).
- ²⁵³ *Ezergailis A.* Op. cit. 415. lpp.
- ²⁵⁴ *Vestermanis M.* Memoriāls nacisma terora upuriem Bieķernieku mežā.
- ²⁵⁵ Евреи в Риге С. 40.
- ²⁵⁶ Евреи в Риге. С. 43; *Левенштейн М.* Указ. соч. С. 128; *Фридман Г.* Указ. соч. С. 161—162; *Бергман А.* Указ. соч. С. 163—166.
- ²⁵⁷ *Vestermanis M.* Memoriāls nacisma terora upuriem Bieķernieku mežā.
- ²⁵⁸ См. прим. 1 на с. 200.
- ²⁵⁹ ЛГИА, ф. 132, оп. 30, д. 35, л. 5—6.
- ²⁶⁰ Там же, оп. 36, д. 4, л. 1—2.
- ²⁶¹ Борьба латышского народа... С. 317.
- ²⁶² *Vestermanis M.* Op. cit.
- ²⁶³ ЛГИА, ф. Р-132, оп. 30, д. 26, л. 19 об; д. 27, л. 49—50; д. 35, л. 26; д. 39, л. 1.
- ²⁶⁴ *Ezergailis A.* Op. cit. 418.—419. lpp.
- ²⁶⁵ *Цейтлин Ш. (Б.)* Указ. соч. С. 165.
- ²⁶⁶ *Katz J.* Op. cit. P. 180.
- ²⁶⁷ *Цейтлин Ш. (Б.)* Указ. соч. С. 167.
- ²⁶⁸ Рига: Энцикл. Рига, 1989. С. 252.
- ²⁶⁹ *Бергман А.* Указ. соч. С. 174—175.
- ²⁷⁰ *Katz J.* Op. cit. P. 180.
- ²⁷¹ *Цейтлин Ш. (Б.)* Указ. соч. С. 167; *Фейгерсон С.* Трагедия липайских евреев. Рига, 2002. С. 52.
- ²⁷² Данные Музея «Евреи в Латвии».
- ²⁷³ См.: *Zilbertans D.* Kā zvaigzne tumsā: Atmiņas par Jāni (Žāni) Lipki. R., 2005.
- ²⁷⁴ *Цейтлин Ш. (Б.)* Указ. соч. С. 239—241.
- ²⁷⁵ *Rivošs E.* Pagrabs // *Lit. un Māksla.* 1991. 6. dec. 4. lpp.; *Фридман Г.* Указ соч. С. 171, 241—243.
- ²⁷⁶ Евреи в Риге С. 44.
- ²⁷⁷ *Ezergailis A.* Op. cit. 268., 304. lpp.
- ²⁷⁸ Музеја „Евреји Латвијā” krājuma materiālu apskats. 108.—111. lpp.